

Версия вторая: Готика, киберпанк.

by Neon_Kaligula
ака Мартынов Алексей

29.09.2006

<http://neonka.info>

ОГЛАВЛЕНИЕ

01 - 31 января ближайшего будущего.	3
02 - Ночь первая. Враг государства.	9
03 – Рассвет.	17
04 - Красота внутри нас.	19
05 - Ночь третья. Два года спустя.	28
06 - Бильярдные шары.	30
07 - Последний сон.	37
08 - Кто-то закричал.	40
09 - Игры. Теория. Хаос. Утопия.	46

*** Глава 01 ***

"31 января ближайшего будущего."

31.12.2058

- АААААА!!! - истошно закричал Суханов, которого засасывало внутрь печатного пресса. Огромных размеров боевой робот давил на него сверху своей трёхпалой рукой, с треском продавливая его грудь внутрь до позвоночника. Из рта Суханова брызнула кровь, перемешанная со слюной и кусочками чего-то трепыхающегося. Ломающиеся, словно сухие ветки, рёбра прорывали кожу и выпадали наружу. Робот победоносно взревел и завращал глазами.

Не успел он открыть глаза, как под ухом с быстро нарастающей громкостью стала играть музыка, а сверху бросился яркий красный свет.

- Йопт вашу мать, - недовольно пробурчал Коновалов, - приснится же такое!

- Доброе утро, Юрий Борисовиш!

- БорисовиЧ! - вяло, но настойчиво ответил он неслышавшему голосу.

Дешёвая модель умного дома поздравляла его каждый день с добрым утром, но не умела слышать... Вернее умела, и умела хорошо, только слышала в определённых комнатах и только чётко вшитые в память команды. Дура безмозглая.

- Тихо, тихо, не спать...

Ему вдруг резко пришла в голову мысль, а не разбудил ли он своим голосом жену? Вот она спит здесь под боком.

- Я это подумал или я это сказал?

Голос умного дома, равно как и звук будильника, слышал только он один - передатчик в голове вещал непосредственно ему в голову, посылая импульсы по нервным окончаниям.

Было 7 утра.

- Привет, Вить!

- Даров, Юр.

Ну, в общем, на этом разговор и закончился. Оба они молча сели в машину, Коновалов за рулём. Неча - пусть сегодня поработает молодой, старики сегодня отдыхают. Вот ведь, понимаешь, какая неравномерность: верхам по кайфу, а низам вкалывать. Хорошо ещё сейчас было тепло.

Зима в этом году выдалась малоснежная, почти что осенняя. Впрочем, в этом не было ничего необычного, порой несколько месяцев зимы вообще обходились без снега. Правительство вроде как должно было нагонять тучи, но сегодня они почему-то не торопились этого делать.

- Ждут вечера, - как бы угадав его мысли, пробормотал Суханов и безразлично посмотрел на небо.

Сухановым был крепкий мужчина среднего возраста, коренастый и с длинными пальцами на руках. Хотя вряд ли они были так уж длинны, скорее просто тонкие на фоне довольно толстых рук. Обман зрения.

- Я сегодня сон видел... - и Коновалов поведал Суханову свой ночной кошмар. Тот только непонятно усмехнулся в ответ. Он засыпал. - Слушай, а ты почему выбрал эту профессию?

- Я... ну, ты знаешь, это единственная профессия, где можно... нужно столько видеть. В других обычно сидишь на участке, метёшь, учёт ведёшь. Понимаешь, а тут романтика.

Вскоре они подъехали к первой точке - на углу Ленинградской 26, между домами. Коновалов хотел было сообщить своему напарнику, что тот сегодня будет загружать, но его и след простыл.

Матерясь про себя и почёсывая правый бок, Коновалов сунул руку под сиденье, разблокировал замок, и только после этого вылез наружу. Заправским движением он ухватил помойное ведро и зашвырнул его содержимое в пасть мусоросборочной машины. Таким же образом он отправил в топку ему три-четыре таких контейнеров, и уже собирался уезжать, внутренне проклиная своего напарника-халявщика, как тот, запыхавшись, влетел в кабину.

- Пффф... Извини... позвонить надо было.

Он глубоко и часто дышал, как после долгого бега. Но лоб был сухой. Да и по лицу сложно было сказать что-то определённое, - вполне обычное, слегка розовое. Нет того нездорового румянца, который возникает при физических упражнениях.

Через пару минут они были уже около следующей точки, и процесс повторился. Только на этот раз отходы кидал в мусоросборник уже этот 35-летний мужчина, имя которому Виктор Суханов. Он сам вызвался проделать это, бегло объяснив своё рвение тем, что понимает, что заставил своего напарника понервничать. Работал он резво и с какой-то странной улыбкой. Что-то среднее между хитрецой и удовольствием от вовремя сделанной важной работы.

Коновалов, дабы не тратить впустую время, включил радио. Там были новости для тех, кто уже не спит. По иронии судьбы не спали в это время только они - мусорщики, да всевозможные их соратники по цеху. Каждое утро они чистили, собирали, утилизировали всё то, что выбрасывала

цивилизация, как отходы. Они слышали самые свежие новости, а потому и получали самую свежую информацию. Невольно начинаешь задумываться над смыслом подобной системы, когда самые свежие новости получают только чернорабочие. Многие любили называть это своего рода заговором, однако, когда их просили объяснить цель заговора, бормотали что-то невнятное и уходили от темы.

Неожиданно от стены отделилось две фигуры, ранее слившиеся со стеной, и быстрым шагом пошли в их сторону. Прямо на ходу сквозь светомаскировочные плащи проступали их лица: измождённые и высушенные с выпученными глазами и гипертрофированными челюстями. Через секунду их плащи и вовсе стали прозрачными, а в руках у них что-то опасно поблёскивало.

Суханов влетел в кабину.

- Гони!

Заметив приближение людей, машина оживилась. На её боках вдруг возникли рекламные плакаты, а снизу крупными красными буквами было написано следующее "Чисто не там, где убирают. Чисто там, где не мусорят." Самая первая буква "р" была программно переправлена на "в", чем вызывала нездоровые ассоциации.

Тут одного из тех двоих прорвало. Он заорал, словно животное, скинул плащ и бросился за машиной. В каких-то три прыжка он оказался на подножке, просовывая свои безобразные искалеченные руки в открытое окно. Машина вильнула, Коновалов изо всех сил крутил руль, но навигационный робот не давал ему возможности разогнаться. В руках у монстра мелькнул короткий обоюдоострый нож похожий на заточенную ложку.

Совершенно неожиданно сидевший доселе от страха неподвижно Суханов дёрнулся влево, неуловимым движением руки нажимая кнопку подъёма стёкол, тем же движением перехватил тянущуюся к нему руку и дёрнул на себя. Монстр от неожиданности влетел головой в закрывающееся окно, и выронил заточку. После чего получил удар локтём в зубы. Закрывающееся стекло пришлось ему аккурат на локоть. Уже вылетая он завис. Поднимающееся стекло буквально отрезало ему руку по локоть, а он даже не соображал, что происходит. Следующий рывок, а он покатился по обочине, разбрызгивая кровь. В руках Суханов держал руку, которая всё ещё двигалась.

Он заглянул внутрь: большая часть костей и сухожилий были заменены.

- Чёртовы панки! - недовольно пробурчал он, выкидывая руку за окно.

- Йоптваю... - только и смог ему на это ответить Коновалов, опасливо почёсывая за ухом.

ВНСр, значит, это просто так не останется. Если бы просто сбили, тогда ещё можно.

Наркоман хренов! Совсем уже не отличает реального мира от виртуального, убить готов любого, даже того же мусорщика, у которого ничего нет. Совершенно отчаянная личность, даже скорее уже животное. Ни мысли, ни думы, ничего. Стремятся выжить любой ценой, но работать не хотят; деградировали.

- Теперь повяжут, - сказал он позже. Как в воду глядел.

Их повязали.

В 18:31 они оба сидели в участке. Виктора увели на допрос и опознание, а Коновалов до сих пор сидел в приёмной.

Прошло уже двадцать минут, а от Вити никаких вестей. Уж не уснули ли они там в процессе опознания? Или может того хуже - тот наркоман оказался чьим-нибудь сыном. Или просто не до конца конченный, умудрился подать в суд на них. А вдруг действительно так? Ему вдруг пришло в голову осознание того, на что их могут подписать вдвоём. Он, скорее всего, пойдёт как соучастник. Ничего страшного, только уволят с работы, поставят на контроль и дадут какую-нибудь дешёвую работёнку. Каждый день он будет ходить на пункт отметки, там отмечаться, что пришёл, потом отмечаться, что заступил на работу, потом, что выполнил её на заданную часть, и так далее. Он должен будет отмечать каждый свой шаг. Сам. Если не отметит... впрочем, об этом лучше не думать.

Тюрем больше не было. По крайней мере, в том понимании, к которому все привыкли. Всего лет пять, хотя нет, семь назад был избран новый министр безопасности, который и ввёл эту систему. Точнее довёл её до своей высшей точки, закончив то, что начали его предшественники. Тюрьмы были утилизированы, на их месте построили жилые кварталы. А людей стали ставить на контроль. По умолчанию все были невиновны, и подключены к системе. Любой живой объект, распознанный ею как человек, но не занесённый в базу, подлежал уничтожению, как опасный для общества. Человеку, нарушившему закон, не грозила смерть до тех пор, пока он ходит по чётко обозначенным маршрутам, вовремя отмечается и работает как часы.

Впрочем был ещё вариант: человека отправляли на перевоспитание в исправительный лагерь. Это были какие-то закрытые помещения под землёй, занимавшие нехилую площадь. Доступ туда был запрещён. Впрочем, как говорили те, кто возвращался оттуда, что это было волшебное место, что они жалеют, что не могут вернуться туда. Они менялись. Сильно менялись. Становились чем-то похожими на роботов.

Смешно, но с терроризмом было покончено на корню - проделать что-то в обход контроля было нереально. Ни один человек не мог даже ступить на территорию страны, не будучи занесённым в базу, иначе считался врагом.

- Йоптваю... - снова в сердцах сказал он.

- Дядь, не ругайся!

Рядом с ним в приёмной откуда-то появилась девочка лет десяти.

- Опа, а ты как здесь?

Она посмотрела на него, как на умалишённого - с недоумением, жалостью и презрением одновременно. Причём последнее быстро нарастало. Бррр, какая мерзость. Даже притом, что она было гораздо ниже его, она смотрела свысока.

Впрочем, он знал, как обращаться с такими детьми.

- Хочешь дать мне по морде?

- Да, - немного злобно ответила девочка, глядя вдаль сквозь стену. Помедлила. - Не тебя конкретно...

Коновалов молчал. И пристально смотрел на её лицо - она была немного не в своём уме. За почти 60 лет жизни (30 из них он работал учителем) он, наверное, научился узнавать это. Хотя это требовало подтверждения. В любом случае.

- Тут всё просто, - продолжала она, - да, просто. Они все тупые. Мать глухая, врубает телевизор на полную громкость, вживлять аудио-систему не хочет, отец - старый маразматик, думает, что умный, а на самом деле тупой как пробка. Мне тут недавно подарили... день рождения у меня был. Подарили мне побрякушку какую-то, а оно мне надо? Блин, я не люблю украшения, которые они мне дарят, у них нет вкуса! (она глубоко вздохнула) Чёрт, а теперь из-за этого подарка я сижу здесь. Задолбали. Суть не в том (она стала что-то искать в сумочке), что они делают, а в самой структуре. Они дети. Все до единого, даже когда им по 40. Сначала попросят о чём-нибудь эдаком, мол, по-дружески. Ты им помогаешь, а в итоге они тебя кидают. Всем хорошо - они сделали, что хотели, а спалили тебя. Потому, что ты добрый. И снова такое новомодное используют - соц.инж. Сами не знают, что это значит, гонят под него всё: взял в долг - соц.инж., развёл друга на бабки и подставил его - соц.инж... Я-то в чём виновата?! В том, что они рубят всех, а сами идут к цели? В том, что они срут там, где спят? В том, что никому доверять нельзя? Или в том, что я пытаюсь ответить на их выпады?!

- Убей их всех, - безразлично ответил он ей.

Она замолчала, взглянула на него: "Придурок". Она не сказала этого, просто в глазах у неё читалось.

Было тихо. На стене под самым потолком мерно менялись секундные цифры, а раз в минуту менялись и цифры минут. Иногда даже две сразу. Сейчас всё тянулось невероятно долго и по-своему страшно. Не было причин к волнению, ведь пока ничего не произошло, вердикт, даже если они под судом, будет вынесен не раньше, чем через неделю. Да и то вряд ли. Это такая система... или глюк... даже не знаю что. Неделя. Она давалась всем, кого не убили на месте.

- И всё же я их люблю, - и девочка улыбнулась, взглянув ему в глаза. У неё были очень красивые глаза - очень необычный цвет, что-то среднее между небесно-голубым и светло-зелёным. А ещё у неё были длинные ресницы. - Я устала.

Такая разительная перемена в настроении. Впрочем, свойственная для этого возраста.

В этот момент из коридора выбежал радостный Суханов. Он стал что-то лепетать заплетающимся от волнения языком, что-то про долгую счастливую жизнь, про небо, про политику и про свою любовь к природе. В общем он хотел путанно выразить мысль, что всё в норме. Коновалов понял это, и по-дружески хлопал напарника по плечу.

К тому времени как они вышли на улицу подышать, девочки уже и след простыл. Краем глаза Юрий конечно же видел, как её уводили куда-то в застенки участка, но надеялся, что это ему показалось. Витя убежал звонить жене, своей любимой жене. Он часто ей названивал, бывало даже выйдет только из дома, и звонит уже. А она не берёт никогда трубку, её ж дома нет, работает она, он сам так говорит, но ему так спокойней. Странно это, но пускай будет так. Про себя Юра им завидовал - Витя любил рассказывать, сколько лет они вместе, что живут так же, и обоих тянет друг к другу по-прежнему. Может, это и есть любовь?

Над головой простиралось бездонное и необъятное сереющее небо. Было уже около семи вечера, скоро все начнут праздновать, скоро зажгутся огни и начнутся гуляния. Юрий не стал ждать своего напарника, а заодно решил не идти на базу: там уже наверняка все спились, врубили автоматику и празднуют. Да и кому он нужен - машина сдана, работа выполнена.

Он вздохнул.

Минуты через две на западе в небо устремился огромный пучок света - оранжевый луч, окрасивший на несколько секунд небо в зловещий красный оттенок. Раздался тихий шуршащий звук и треск переменной громкости. Приёмник в его голове чуть завыл, реагируя на магнитное поле, но всё это скоро прекратилось.

Опять стреляли. Всё корректируют орбиту спутника. Коновалов отметил про себя, что темой следующей лекции станут именно эти выстрелы. Довольный, что нашёл интересную тему, он зашагал домой.

Путь был неблизким. Усталый от переживаний и событий он вошёл в подъезд, еле передвигая ноги. Голова раскалывалась. Это у него часто было, он принимал лекарства, но они не помогали, а он и не мучался по этому поводу. Забывал просто иногда про это. Ну, поболит и перестанет, чего уж там. Это же кость, там нечему ломаться. А если всё же что-то сломается, то он об этом не узнает, ибо

будет мёртвым. Вот такая, понимаешь, загогулина получалась.

Проехав в лифте на свой этаж, и уже доставая ключи, он вдруг отдал себе отчёт в том, что что-то было не так. Что-то сильно выделялось на фоне общей серости, только он отчаянно не понимал, что именно.

Она пела. Пела, как никто не пел. Вернее даже не пела, а тянула что ль. Тянула один звук, меняя тональности, заставляя его переливаться, как бы играя с ним в игру. Потянет, вздохнёт, и снова затянет. Так тихо, чуть еле слышно отсюда, откуда-то снизу, этажей на 10 пониже.

Он вышел на лестничную клетку. Отчётливый, но неуверенный голос девушки пел почти оперную арию. Отчего-то в этом звуке, повторяющимся секунда за секундой, он обнаружил необъяснимую прелесть и красоту. Наивность что ли. Какую-то непосредственность, или что-то из своего прошлого, когда он был помоложе.

Красиво.

Раздался смех, мужской смех. Песня прекратилась. Кто-то матюгнулся. Он не мог ответить себе точно откуда он узнал, что девушка улыбнулась, но готов был поклясться, что это было так. И она продолжила. Ей было лет 18-20, не больше. Он её никогда не видел, да и сейчас не увидит. Пусть всё останется, как есть; пусть это маленькое волшебство живёт здесь, - у него в голове, оставаясь в памяти. И он ушёл в квартиру.

Здесь он быстро проверил почту. Через час канал забьётся полностью, проверять будет бессмысленно. Почты было немного, всего два коротеньких письмаца. Кто-то ему ещё пишет? И то хорошо.

Первое было от Лёшки Ильина. Заранее поздравлял с праздником нынешним, а также со всеми ближайшими, ибо в эти ближайшие сам он поздравить никого не сможет.

Второе от Аффтара: "Передай ДимаХ мою благодарность, всё же в некотором роде именно он сделал этот миг таким, каков он есть. Да, и скажи, что я выполнил своё обещание." На это письмо Юрий хотел ответить, и даже начал набирать. Но, бросил, так и не закончив, а потом, чуть подумав, просто удалил.

- Он уже знает, - сказал он в пустоту.

С этим письмом была связана личная история, которой в своё время не придали значения. Но меж тем это пример того, как иногда простое слово или мимолётно брошенное предложение меняют ход событий. Иногда фатально. Странно даже, не будь иногда чего-то маленького, потом не бывает чего-то большого. Это как снежный ком, катящийся с горы. Начавшись однажды маленьким камушком или песчинкой, он катится туда, куда его направили, и всё растёт и растёт с огромной скоростью, пока те, кто его направили, не перестают управлять им. И тогда он становится опасным. Он поджигает всех: и своих и чужих, и сам уже не властен над собой, а просто идёт напролом до конца.

Несколько лет назад у него был сын. Он и сейчас есть, этот сын, но сказать, что он жив, означало бы соврать. В результате несчастного случая он лишился возможности мыслить - теперь он лежал, словно растение, в больнице, его постоянно подпитывали аппараты, не давали телу умереть. Он спал. Постоянно спал. Он ничего не помнил, ничего не знал, ничего не понимал. Вроде бы мозг умер; по крайней мере от него не шло импульсов, кроме базовых - дышать, принимать пищу.

Иногда Юрий навещал его в больнице. Иногда, когда выдавалось немного времени, и сидел там рядом с ним, разговаривая.

В палате было тихо и спокойно: всё было чисто, за Альбертом, а именно так звали его сына, ухаживали, присматривали. Даже телевизор был под потолком, хотя его включали редко, всё равно никто его не смотрел. Но он был. Был даже аквариум, но это уже по отдельной просьбе отца больного - он очень любил рыбок, и хотел, чтобы сын, пусть и не поймёт этого, может быть, тоже пристрастился бы к этому. Вдруг он проснётся когда-нибудь.

Иногда они разговаривали. Юрий склонялся к уху своего неподвижного сына, закрывал глаза и рассказывал ему какие-то истории из дней минувших, читал по памяти стихи и детские сказки, говорил какую-то чушь. Иногда даже шутил, громко смеялся, но быстро одёргивался, как бы опасаясь, что навредит и без того хрупкому состоянию своего сына. Иногда ему казалось, что Альберт в моменты разговора с ним открывает глаза, смотрит на него, может даже пытается разговаривать. Но когда Коновалов открывал глаза и отчаянно пытался уловить хоть мимолётное изменение, он с сожалением отдавал себе отчёт, что ничего не изменилось, и его ребёнок крепко спит.

- Пусть спит, - сказала престарелая медсестра, присев рядом. И они вместе просидели рядом с телом ещё минут десять. Молча.

За дверью пробежал кто-то, громко матерясь и цокая подбитыми под железо каблуками. Вскоре шум от его ног затих в коридоре, но потом долго ещё гуляло эхо, отдаваясь в удалённых коридорах. Их специально строили такими, вдруг понял Юра, архитектура была такова, что можно было услышать кашель больного, находясь даже в другом конце больницы. Найти точное место - вряд ли, но можно было быстро пробежаться и отыскать таки его.

Аппарат искусственного дыхания тихо зашуршал, подключая очередной бак с обогащённым кислородом. Таким больным, каким был Альберт, давали специальную смесь для дыхания: почти тот же воздух, которым дышали все остальные, но чуть больше процентное содержание кислорода, плюс

серебро в духе 19-го века. В центре зала было расчищено место для танцев, вероятно, именно поэтому здесь визуально было больше места.

Прошло ещё немного времени. Было весело. Тут собралось ещё несколько друзей и знакомых, в основном бывшие сокурсники. Прошлое всплывало в самое подходящее для этого время. И это хорошо.

Приближался новый год.

- Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

* Примечание. В целях повышения уровня безопасности мозга детям при рождении приживлялась железа, секреция которой делала черепную коробку непробиваемой для большинства видов излучения. И, хотя влияние радиочастот на человека так и не было доказано, в качестве предосторожности всё же ввели эту меру.

*** Глава 02 ***

"Ночь первая. Враг государства."

18.01.2059

- Настя, а Настя. Ты спишь?.. Ну спи, спи, - уже почти шёпотом сказала её мать, скрываясь в темноте за дверью.

Настя не спала. Она только делала вид, что давно безмятежно спит. Было уже половина 11-го, но мать, видимо, хотела что-то ей сказать, чего не могла отложить на завтра. Ничего, подождёт. Наверное...

- Качество - это относительная величина, выражающая соответствие полученной продукции условиям заказа.

Она повторяла это не потому, что завтра должен был быть экзамен, и не потому даже, что он был переводным. Ей это было до лампочки. Она мечтала немножко о другом. Нет, у неё были мечты соответственно её возраста, как и у всех остальных детей, только чуть-чуть не так.

Она села за компьютер. Она - это Настя Паренко, безотцовщина. Обычно таким детям давали одно из отчеств WWMCC - основного органа контроля рождаемости и сохранения генофонда человечества. Хотя формально этот аппарат должен был заниматься глобальными проблемами в равных долях, на деле почти вся его деятельность была обращена в сторону "нового человечества" - детей, чьи гены были модифицированы с научной задачей. У них не было отцов, даже матери были редкостью. Ей, Насте, повезло. У неё была мать.

Тихий гул закрался в её голову, намекая, что компьютер скоро войдёт в рабочее состояние. С недавних пор ей стал нравиться этот звук и то ощущение полёта, которое она испытывала за мгновение до полной загрузки.

На долю секунды ей показалось, как что-то пошевелилось в углу. Она бросила туда несколько испуганный взгляд, но там было пусто. В тот же момент движение повторилось, но с другого бока. Стол под руками вдруг стал плавиться, превращаясь в жижу липкую, как нагретая жвачка. Белая тарелка раскололась на ровные кусочки, и тут же сложилась в форме человеческой челюсти. Натуральной челюсти. Челюсть мгновенно обросла губами, и расплылась в улыбке. Потом раздался хлопок, откуда-то полезло мясо, окровавленное мясо из всех щелей, оно лезло, словно червяк во время дождя выползает из земли. Раздалось шипение, и над её головой возникла серая в чёрную полоску кошка. Кошка мирно лизала лапу и помахивала хвостом.

Настя взяла карандаш и быстро написала на стене: "Ты кто?" Почему-то ей показалось, что кошка не понимает устную речь, и лучше будет, если ей написать.

Кошка спрыгнула на пол и прошлась кругом. Когда Настя попыталась дотронуться до неё, та зашипела и выгнула спину. Правда, сразу успокоилась, и, в каком-то роде, улыбнулась, чуть оголив зубы. У неё были длинные уши, венчавшиеся снизу белым пушком, напоминающим издали серьги.

- Зачем ты позвала меня? - сказала она тихо, усевшись в углу.

Настя недоумевала.

- Я не звала тебя. Ты откуда?

Кошка довольно меланхолично посмотрела в окно, легла на бок, вытянувшись в струнку. В её зубах появилась тонкая дамская сигарета, из которой поплыл сиреневый туман. Густой как сметана, и почти такой же осязаемый. Его можно было потрогать руками, можно было сжать в кулаке, и, вероятно, плавать в нём. Он стал наползать на Настю, поглощая её.

Поначалу она сопротивлялась, пыталась отбросить его руками в сторону, но руки только увязали в его непонятной массе; их как будто затыгивало внутрь, что-то неосязаемое упорно тащило её вглубь. Но вдруг по непонятным причинам она стала испытывать необъяснимое влечение к этому туману, что-то типа интереса и жажды открытий. Клубы дыма стали складываться в непонятные фигуры, страшные и уродливые, но отчего-то до боли знакомые.

Сквозь мрак окутавшего её тумана стали проступать неясные очертания зданий. Она видела этот пейзаж когда-то давно, это была городская свалка. Огромные бесформенные здания, ямы и горы спрессованного мусора вкупе с невероятным количеством поборников объедков: крысы, жуки, птицы. Птицы, в основном серые вороны, летали вокруг такой большой массой, что почти полностью заслоняли собой небо и солнце. На земле от них лежала мощная тень.

Постепенно картинка оформилась в нечто более приемлемое, - дома стали чётко очерчены, даже были видны трещины на подоконниках. Но там никто не жил. Здесь вообще никто не живёт, кроме диких зверей. Это зона, из которой не возвращались, никто не возвращался. Здесь не происходило ничего аномального, ничего странного или таинственного, но меж тем отсюда не возвращались люди. Они просто заходили сюда, и больше не выходили. Роботы, отправляемые с ними, не фиксировали процесс исчезновения, вообще ничего. Люди были рядом, всё было нормально, а когда робот выходил, их уже не было.

А сейчас она стояла видимо внутри этой свалки.

- Миу.

Вдали на старом автомобиле сидела чёрная кошка с белым мехом на ушах. Настя смотрела на неё, не отводя глаз, боясь моргнуть, а кошка плавно растворялась в воздухе. Сначала испарился хвост, затем лапы, тело, голова, уши... Последними были зубы, а точнее улыбка. Она долго висела в воздухе, покачиваясь на ветру, словно цветок в поле. А потом чик и пропала, будто и не было её вовсе.

Настя осторожно, стараясь ступать бесшумно, пошла туда. Когда она пришла, там уже не было ничего: ни машины, ни кошки, ничего. Только выжженная земля с обуглившейся травой.

Буууум... Чух-чух-чух-чух...

Она обернулась.

На неё на всех парах, свистя гудком и громыхая массивными колёсами, нёсся исполинских размеров паровоз. Он был ещё в километре от неё, но от него разило уже оттуда адским жаром. На её глазах железяки, мимо которых он проносился, превращались в кусок угля, и их отбрасывало в стороны с такой скоростью, что они порождали взрывы при падении, выхватывая землю, образуя воронки. Земля содрогалась от его веса, она буквально плыла под ним, а он нёсся вперёд. Маленькое строение из кирпича, встретившееся ему на пути, было разнесено на куски и превратилось в пепел. От него просто ничего не осталось.

Мощный тепловой поток, который он толкал перед собой, заставил её прийти в чувство, обжигал лицо. В панике она отпрыгнула в сторону, стараясь спрятаться в углублении здания. Это было бесполезно, как она поняла вскоре, но в тот момент она не могла думать о чём-то другом. Этот вариант был наилучшим.

Из монолитных стен - которым было от силы лет двадцать, не больше, которые стояли здесь с момента основания свалки - из этих стен вдруг начали лезть провода. Толстые, с руку толщиной, они опутывали её, словно щупальца осьминога, и, сдавливая в груди, пытались втянуть в стену. Она слышала, как хрустят её рёбра от напряжения, как вот-вот порвутся мышцы.

Поезд промчался мимо неё на огромной скорости, буквально выжигая всё рядом с собой. Но ей не было больно. Она видела всё, что происходило, видела, как вокруг неё на стенах образуются волдыри на вспучившейся от жара краске, но самой ей не было жарко. Невидимые, но ощутимые волны тепла огибали её, и тут же смыкались за её спиной.

Вдруг она почувствовала, что начинает вращаться. Вращаться вместе с домом. Стены вокруг неё в один миг раскололись на миллионы мелких частичек, и закрутились в вихре, а она была в его центре. Тут было тихо и спокойно, как всегда бывает в центре событий. И ты знаешь, что вокруг тебя бушует стихия, быть может даже рушится мир, но тебя это не касается, и не коснётся, если проявишь выдержку и не выйдешь за пределы. Это иногда спасает жизнь - умение не оборачиваться на зов, когда знаешь точно, что погибнешь.

Мимо неё проносились в воздушном потоке силуэты непонятных людей - безликих и бесформенных. Только силуэты, без лиц и форм. Она знала каждого из них, могла даже назвать всех поимённо. Но испугалась.

- Имя?

- Настя...

- Настоящее имя.

- ...

Сверху на неё упал луч света. Она не хотела туда смотреть, но всё же посмотрела. Чистый белый свет слепил её, она жмурилась, но безрезультатно - всё вокруг заливал яркий белый цвет, от которого слёзы текли из глаз, и отслаивалась сетчатка.

И вдруг всё прекратилось. Единоmomentно кончилась буря, стало тихо, пропал свет. Она стояла посреди всё той же свалки, только ни ворон, ни крыс с жуками и прочей нечистью и в помине не было. Прямо перед ней стоял указатель из фанеры, на котором чёрной краской было написано "Мы сделали это!". Нижняя часть была отломана, и валялась рядом; там тоже было что-то написано. Неразборчиво, да и не по-русски. Впрочем, неважно, пусть лежит.

Настя прошла мимо. У неё болела голова, в ней стоял белый шум, периодически прерываемый щелчками, похожими на те, когда внутри динамика проскакивает искра. На стене здания было написано стихотворение:

Голая, отраханная

Лежит одна, бесстыжая

Бесстрастная, безвластная

Забыта и унижена.

Рабыня чьей-то похоти.

Другому предназначена.

Лежит она безропотно

Мертвые не плачут.

*Чужие слезы робкие
Прольются на могиле.
И утонут в безмолвии -
Не скажут как убили.
И только тихий шепот
Послышится вдали
"За все прости нас, Господи.
Спаси и Сохрани"
--- "Непорочный Лепесток"*

Она смотрела на эти строки замороженная, словно для неё это было откровением; вчитывалась в них, пытаясь уловить тайный смысл, но он ускользал от неё, словно вода сквозь пальцы. Чёрная стена бездушно взирала на неё тысячами глаз, и молчала. Только буквы говорили за неё громче, чем любой голос в мире.

От долгого глазения буквы поплыли перед её взором, стали белее, прозрачнее. Словно призраки, они растворялись в стене. Стена тоже стала преображаться, изгибаясь под её взглядом. Она изгибалась до тех пор и меняла цвет до той поры, пока Настя не увидела там себя, только в отвратительно кривом зеркале. Там, внутри стены, спиной к ней стояла она сама, и при этом была так не похожа: взрослая статная женщина с длинными и черными, как смоль волосами в облегающем платье с открытой спиной.

И всё же это была она.

Женщина повернулась к ней. Её лицо было в тени, невозможно было разглядеть черт, и от этого становилось страшно. Какая-то странная атмосфера исходила от неё, внушала ужас. Настя хотела бежать, но и не могла - ноги стояли, как вкопанные, тело обмякло, руки повисли вдоль тела.

Но вдруг видение прекратилось. На месте женщины возникло на долю секунды лицо старика, испещрённое глубокими морщинами на лбу, а потом всё начало взрываться. Первый же взрыв в стене ослепил её окончательно, и дальше она шла уже на ощупь.

Маленькая беспомощная девочка ползла по земле, которая взрывалась и громыкала у неё под ногами. Над её ушами раздавался свист пуль, она ощущала жар лучевых установок и тихий шелест акустических пушек. Звук с синусоидальной частотой, очень резкий долбил ей по голове. Отбойный молоток где-то под землёй набирал силу с каждой секундой.

- Стоп!.. - мощный голос заглушил весь бедлам. Повисла тишина, и она увидела перед собой неясный светящийся силуэт. - Встань! - Он говорил громко и чётко.

- Я...

- Молчи! Ты здесь случайно. Уходи отсюда пока есть возможность.

- Но...

- Всё!

Последнее его слово пророкотало у неё в ушах подобно тому, как если бы она стояла внутри здания, которое сносят взрывом. Нет, всё было хуже - взрывы рокотали у неё в голове, разрывая мозг, но не могли вырваться наружу. Прямо там в самом центре черепа под корочкой серого вещества шёл замес мозгов в аппетитное варево, похожее на драже. И она видела этот процесс своими собственными глазами.

Вокруг неё выросли высоченные стены, до самого неба простирались они и заслоняли собой Солнце и небо. Но она видела всё очень хорошо. Даже сквозь них. Земля горела и тряслась со всё нарастающей силой, пахло серой и чем-то горелым, возможно, пластиком. Было тяжело дышать, ядовитый воздух разъедал её глаза и лёгкие. Кто-то дотронулся до её плеча: Пойдём.

И в тот момент стены рухнули от грома с неба. Просто рассыпались на песчинки, и упали сверху тяжёлым дождём. Земля уже не ходила, она прыгала под ногами и рычала почти звериным рёвом. Её мотало из стороны в сторону, то, что было твёрдым, рассыпалось, то, что было мягким, разрывалось. С неба пошёл огненный град размером с кулак. Настю метнуло в сторону. Она видела, как мимо неё пролетают дома, машины и валуны, которые при жизни нельзя сдвинуть с места, сверкают голубыми искрами молнии, а вверх висит что-то тёмное формы квадрата.

И она очнулась. Очнулась в своей постели. Было темно, но ей казалось, что это потому, что она ослепла, и не видит ничего. В панике она хотела крикнуть, но в горле пересохло, и оттуда вырвался только сдавленный хрип. С усилием она сглотнула.

Комок подкатился к её горлу. И она вдруг почувствовала себя очень возбуждённой, за считанные секунды она вспотела, хотя в комнате было прохладно. Она отчётливо поняла, что, если не сделает что-нибудь большое немедленно, то сойдёт с ума, ну, или убьёт кого-нибудь. Она скинула одеяло, и только тут обнаружила, что у неё нет ног. В ужасе она свалилась на пол, теребя окровавленными обрубками в воздухе.

Комнату трясло. Кто-то тряс её за плечо. Она открыла глаза.

Над ней склонилась её мать, которая изо всех сил будила её и старалась что-то сказать. Всё грохотало, вещи ходили ходуном, подпрыгивали. Мать схватила что-то блестящее со стола, и потащила дочку с собой. Та вскочила на ноги, но шла неохотно, поглядывая вниз. Тогда мать крикнула ей, что пойдёт вперёд, а она пусть идёт след в след и не отстаёт, и убежала.

Через несколько секунд дом заскрипел. Настя стояла на месте.

Путь к выходу ей преградила дверь, которую заклинило от перекоса. Мощные запорные механизмы гудели внутри, но сделать ничего не могли. Впрочем, она и не волновалась по этому поводу.

- Ты выбрал меня?! - истошно заорала она в пространство. - Меня! Так не дай умереть!!!

Сверху хлынула горячая вода, а по ней пошёл ток. Силовой кабель был разорван перекосившейся балкой, упал на пол.

Дом ещё раз громко ухнул, скрипнул, и как будто осел.

Всё прекратилось.

Юрий Борисович Коновалов, разменял первую половину сотни. Сейчас он был на приёме у психотерапевта. Там он и застал землетрясение.

- Так что же вам не нравится?

- А что мне может нравиться, когда и так жизнь хреновая? Ты слушай меня, - он недоверчиво покосился на женщину в экране, особенно на её невыразительные стеклянные глаза, - да... хотя, может ты и права.

- Ну, вот видите, а вы сомневались! - весело сказала она.

На этом их разговор можно было считать оконченным - он не верил ей. Не верил всем, даже иногда себе и своим мыслям. Пускай говорят, что это настоящие профессионалы, знающие своё дело. А он всё равно не верил им. Не верил в подтекст. А вдруг там робот, вот там за монитором, сидит и смотрит в глаза. Вернее, смотрит не он, а видекамера, которая даёт импульс в серверную, а там понеслась моча по трупам - обработка статистики, выбор наилучшей фразы, занесение в личное дело. Что если они записывают каждое его слово, что если ищут то, чего он может недоговаривать? Сболтнул он сейчас чего лишнего, кто знает, быть может, завтра он бы уже не проснулся. Его бы вычеркнули из системы, о нём бы забыли. И всё, как будто и не было его вовсе. Они же такие - ради безопасности пойдут на всё; ты должен быть уверен в своих словах, иначе у них подозрения возникнут.

Брысь!

Он даже боялся думать об этом. Кто знает, какую конкретно информацию передаёт чип в его голове.

Землетрясение было слабым, вернее оно просто не дошло досюда. Но оно было вполне ощутимо. Когда со звоном затряслись стаканы в шкафу, когда электроника стала немного сходить с ума, а в его голове пошёл звук работающего отбойного молотка, он понял, что что-то началось. В новостях чуть позже скажут о смещении литосферных плит и нарастании напряжения под земной корой. Но сейчас он об этом бреде не знал.

Его немного потрясло, но не так, чтобы можно было паниковать. В тот же момент в окне снова появился луч, уходящий в космос. На этот раз был расплывчатым, нечётким, и дрожал. Хотя, быть может, это ему просто так казалось. Голова болела. Чёртовы панки!

Прошёл месяц с момента последнего землетрясения. Насте и её матери дали новую квартиру, восстановили даже прежнюю обстановку. Всё для людей.

Настя с момента землетрясения, когда их дом пришёл в негодность и был определён под снос, замкнулась в себе, стала раздражительной, а иногда впадала в полную апатию. В тот роковой для многих день её нашли спасатели. Она чудом осталась жива, оказавшись в своеобразной пирамиде из обвалившихся бетонных панелей. Случайным стечением обстоятельств, когда стали обваливаться внутренние перекрытия, она оказалась в этом оазисе. Она спала и видела сны.

Во сне она стояла посреди огромного пшеничного поля. Её голова возвышалась над колыхавшейся по ветру массой колосков. Вокруг неё и высоко в небе кружили чайки, - целая стая, голов пятьдесят, не меньше. Они кружили молча, лишь только по полёту можно было определить, что это чайки. Со всех сторон поле было окружено лесом с настолько плотной растительностью, что даже ветер с трудом колыхал его.

Она долго стояла так, любуясь величественным лесом, глядя на чаек, ищущих себе пропитание. Она не знала, куда ей идти, да и стоило ли идти вообще - куда ни глянь, всюду был лес, а что там за ним, это было неясно.

Она ещё долго так осматривалась, пока не услышала позади себя человеческий голос.

- Это твоя жизнь.

Она обернулась. Голос принадлежал высокому человеку в строгом чёрном костюме и тёмно-сером плаще, застёгнутом на одну верхнюю пуговицу. Он стоял от неё метрах в десяти, словно шест, возвышаясь над колосками. Она сразу отметила его невероятную худобу и непропорциональную

длину рук, которую должен был скрыть строгий костюм и плащ. А ещё на нём было что-то вроде маски из чёрного шёлка, закрывающей всё лицо, не оставляя даже проёмов для глаз и рта. И всё это венчала широкополая шляпа также чёрного цвета. При разговоре голос его доносился, казалось, не из-под маски, а как будто из-за спины в районе лопаток.

- Кто ты? - спросила она чуть слышно. Ей так не хотелось прерывать этот сон.

- А кто ты?

- Меня зовут... зовут... я не помню...

- Это нормально, - оборвал он, - здесь меняется всё, не только память. Здесь ты такая, какой ты хочешь себя видеть.

Он протянул ей маленькое зеркальце, которое она с лёгкостью взяла из его рук, хотя они были далеко друг от друга. Она увидела себя: элегантный белый костюм с высокой шеей, белые перчатки и кислотного цвета очки на пол-лица.

После пробуждения она сказала немногое, а потом снова ушла в сон.

- Мама, сегодня ночью я видела дьявола. Он улыбался мне.

- Да, дочка, ты спи, и всё пройдёт.

И она уснула.

С тех пор она часто видела этот сон - она стоит посреди поля, в небе плавают чайки. Иногда в её сне возникал этот высокий человек, которого она хотела называть Клаус. Она не знала, почему возникло такое желание - он не представлялся, да и она не просила его об этом. Но она хотела его звать именно так, по крайней мере, это имя ему шло.

Иногда он появлялся неожиданно под самый конец сна, и они успевали только попрощаться. Иногда он не приходил вовсе, и тогда она волновалась - не случилось ли чего? Но обычно всё было так: примерно через полчаса - если понятие времени вообще применимо к снам - он возникал из неоткуда, и они были вместе до пробуждения. Однажды он уже был здесь, когда начался сон. Тогда она его спросила, как это было - как она появилась? Он ответил, что она возникла из звенящего звука, который спустился с небес.

Она не могла запомнить, что происходило после их встречи, не помнила она и разговоров, лишь только отдельные сцены и высказывания. Иногда, правда, бывали исключения, и в памяти её откладывались сны целиком. На их основе она судила о происходившем между ними. Кажется, она даже лишилась девственности во сне.

Всё было так реально, так близко, что она не хотела просыпаться, - а вдруг это и не сон вовсе? Вдруг это поле, эти птицы и лес, этот высокий человек, который вдруг стал для неё самым дорогим в мире, и есть самая настоящая реальность?

- Мам. Я влюбилась.

- Настенька, - мать обняла её и чуть не расплакалась, - это же прекрасно!.. Как его зовут?

- Клаус...

Однажды, ещё до того, как она замкнулась в себе, у неё был последний сон, где они были вместе. Она хорошо запомнила этот сон. Он явился почти под конец. Обычно невозможно было определить его эмоциональный настрой, но она поняла, что он чем-то очень взволнован. Вся его сущность была на взводе, и это передавалось ей.

- Нас разлучают, - начал он тихо. Она не перебивала его, - они ставят заслоны, через которые я не смогу пройти. У нас очень мало времени, поэтому буду краток. Под угрозой твоя жизнь.

- Что?

- Тот случай, когда дом обрушился... это была первая попытка. Потом они послали наёмника. В тот день, когда мы впервые встретились на поле, ты должна была умереть.

- Я знаю. Но зачем им это и кто они такие?

- Ты их знаешь, они создали тебя. Зачем? Понятия не имею. Знаю только, что ты будешь защищаться. А потом попытаешься убить их и меня.

- Я не хочу тебя уби...

Всё вокруг затрещало, мир стал рваться на куски, как бумага.

Она проснулась.

Сверху на неё смотрела красная лампа в старом японском стиле. С этого ракурса она была похожа на лицо футуристического робота: два квадрата с лампами посередине были глазами, а ещё один был ртом. Сейчас такое было модно, да и к тому же недорого. Сказывалась также любовь её матери к минимализму в некоторых сферах бытия.

После этого сна она видела ещё несколько цветных снов, потом несколько чёрно-белых, а потом вообще ничего. В тех снах она стояла посреди знакомого поля и ждала, но никто не приходил, да и мир вокруг почему-то становился другим. Таким непохожим на привычное место. Что-то пропало из него в тот день, когда кто-то стал вторгаться в этот маленький, забытый всеми, мирок. Вскоре стали пропадать птицы. Сначала их было много, а теперь с каждым разом становилось всё меньше и меньше, да и не пели больше они, а летали молча в небесах. Затем пропал ветер, который разносил звуки. После этого деревья стали отходить всё дальше и дальше, и вскоре их вообще нельзя было разглядеть.

А потом наступили чёрно-белые сны, лишённые даже надежды. Она уже никого не ждала, а просто сидела и смотрела в чистое небо. Вскоре и они закончились.

В тот день, когда она поняла, что больше не видит снов, она проснулась очень пасмурной, ни с кем не общалась. Только придя из школы домой, она тихо рассказала кое-что матери, чтобы больше не возвращаться к этой теме.

- Настя умирает. Её ранили очень сильно, рана убьёт её, если она не сделает одной вещи, которую её попросили сделать. Мама! Когда я родилась?

Они говорили долго на эту тему. Мать рассказывала какие-то случаи из детства, которые Настя уже много раз слышала у себя на днях рождения. Родители всегда в такие дни любят вспоминать что-то из прошлого, и рассказывают, смеются.

- ... Ты ещё тогда в школу ещё не пошла ещё... в нулёвке была. Мальчик там один был, ты его верно помнишь, Володей звали. Владимир, так его звали всегда родители, меня это смешило всегда. Он ходил в то время с пышной причёской, пока ты ему репья не накидала туда. С тех пор он сменил причёску на более короткую, - и засмеялась.

Ночью за несколько минут до того, как уснуть, Настя вспоминала этот случай. Он был в чёрно-белых тонах, такой нечёткий. Она вспоминала происходящее как бы со стороны, как будто её там не было. Странно, но ей казалось, что она помнит об этом случае только со слов рассказчиков. И вообще не могла вспомнить своё детство до пяти лет. Белый лист. Но ведь раньше там что-то было! Это неоспоримый факт. Она стала забывать своё прошлое.

Вскоре она уснула, а затем начался новый день и новый поход в школу.

- Ну, я тебя помню лет с девяти. Мы тогда ещё праздновали твой день варенья. Ты с мамой пришла, принесла конфет. Вкусные конфеты были. А ты что, сама этого не помнишь?

- Помню... а до этого ты меня не знал?

- Ммм... нет, вроде... А! Точно! Тебя к нам перевели.

- Откуда?

- Вы с мамой переехали, ты перешла из второй школы.

- Я... не помню.

Надпись на стене в туалете гласила "сказочник заказывал любовь, заказ был выполнен". Она смотрелась в зеркало. Урок начался пять минут назад.

- Ты кто?

Зеркало в ответ изогнулось на неё и вопрошающе повело толстыми бровями. В уборной стало темно, как ночью, внутри зеркала открылась дверь, и из неё хлынул мощный поток света. Он буквально сносил всё на своём пути. Её впечатало в стенку и с невероятной силой вдавливало в бетон. Но через мгновение всё переменялось, и открытая в зеркале дверь стала засасывать её внутрь. Она не успела ухватиться за что-нибудь, как уже оказалась по ту сторону зеркала.

Она висела в воздухе над фермой. Там стоял человек и держал на руках новорождённого малыша в пелёнках. Человек быстро старел, а ребёнок рос. Вот он уже стоит на собственных хрупких ножках, вот растёт и становится выше отца. Отец к тому времени скрючился, усох, а потом и вовсе пропал. И вот на его месте стоит тот, кто ещё недавно был ребёнком. У него отрастает борода, голова покрывается сединой, а на руках у него возникает новорождённый ребёночек в пелёнках.

Кто-то перелистывает страницу. Идёт война, люди стреляют друг в друга, брат идёт против брата, отец против сына. Рвутся снаряды, кто-то не умирает сразу, а остаётся калекой на всю жизнь. Беспомощным - кто-то без рук и ног, кто-то парализован, кто-то всё время смеётся. Она смотрит на них. Это дети. Им лет по 18, не больше. И они похожи друг на друга как две капли воды.

Она летит над полями, на которых растут большие стеклянные колбы, а в колбах лежат и развиваются человеческие зародыши.

Слышен треск рвущейся бумаги, но она не хочет, чтобы всё разорвалось. Мир начинает разрываться у неё на глазах, но она удерживает его изо всех сил. Спускается всё ниже и ниже. Между колбами ходят люди в белых одеждах и иногда что-то записывают в свои блокноты. Всё, мир разорвался.

Она резко вдохнула - ей не хватало воздуха - и отпрянула от зеркала. Ноги у неё подкосились, но она смогла устоять, удержавшись за водопроводную трубу на стене. У неё шла носом кровь: кап-кап-кап по полу так тихо, такой привычный звук. У неё болела голова, и сводило руки.

Она слышала барабанную дробь, и она всё приближалась и приближалась. Всё сильнее и сильнее, она ощущала вибрации, которые шли по полу, чувствовала, как дрожит от них и теряет равновесие. Она хотела бежать отсюда. Всё равно куда бежать, всё равно, только бы побыстрее уйти от этого кошмара. Она заткнула уши руками, изо всех сил вдавливая ладони в ушную раковину, но барабаны били всё громче и громче.

Стена перед ней задрожала и заурчала, стала стремительно покрываться плесенью и быстро бегущей мошкой. Плесень стала резко собираться в комки, комки в скопления, пока, наконец, не собрались в очертания человеческой фигуры. С диким рёвом это существо стало рваться прочь от стены, но возникшие неизвестно откуда цепи сдерживали его. Их острые края рвали эту возникшую из плесени человеческую плоть на полоски. На пол потёк отвратительного вида гной. Существо

заверещало, как умирающий хряк.

Настя бросилась бежать, но поскользнулась на вязкой жиже и упала навзничь.

- Привет.

- Привет.

- Мне нужна твоя помощь.

- Мы знакомы?

- Теперь знакомы. Ты не бойся меня.

- Я и не боюсь... Как ты меня здесь нашёл?

- Нашла.

- Извини...

- Мысли, поступки, реальность, сети, сны - это всё одинаковые события, которые описываются по одному алгоритму и одними и теми же словами?

- Ну... некоторые религии считают реальность лишь одной из форм сна. Но, подожди, как ты...

- Стоп! А воспоминания? Их можно описать?

- Я...

- Я ещё вернусь.

Что-то громко щёлкнуло.

- АААААА!!! - она проснулась в поту, её бил озноб, а всё тело ломило, как при сильной простуде. Голова больше не болела, но её тоже сильно ломило. Хотелось спать. Очень хотелось.

В комнату вбежала мать и стала что-то быстро-быстро говорить. Наверное, беспокоилась. Настя не понимала её - видела движение губ слышала звуки, но всё равно не понимала, что ей говорят. Напротив, она слышала что-то, не очень похожее на человеческую речь, и это говорила не её мать. Она тихо-тихо слышала чужой незнакомый голос где-то вдалеке. Он то разговаривал сам с собой, то ругался с кем-то, кого она не могла слышать. Потом к нему присоединился ещё один голос, который также говорил сам с собой, а потом ещё и ещё. Всё больше голосов говорили. А потом она услышала в этом нескончаемом гомоне свой собственный голос; он был не похож, совсем другая интонация, тембр, но это была точно она.

- Мама, я боюсь. - она даже не смогла открыть рот, чтобы это сказать. Просто упала в обморок.

В ту ночь, которую она, видимо, не забудет никогда, она стояла в подземном тоннеле в ярком свете ламп. Было так тихо, что она слышала собственное дыхание. И никого, кроме неё, не было.

Вскоре посреди тишины она стала различать чьи-то шаги, как будто кто-то неспешно шёл к ней. Цок-цок-цок-цок... Через некоторое время она увидела девушку, идущую к ней. Девушка подошла.

И в тот момент её сознание раздвоилось: она была одновременно собой и той девушкой, которая к ней подошла. Поразительно, но эта девушка была точной копией её самой, только взгляд другой, выправка, манера держаться - а так всё то же самое.

- Моё! - игриво сказала Настя номер два.

- Я не...

- Всё ты понимаешь. Ты умираешь, а я возрождаюсь.

- Но я - это ты. Значит, ты умираешь вместе со мной.

- Ха-ха-ха, - она с трудом рассмеялась, - дурочка! Ты же всё прекрасно понимаешь лучше меня! То, что не было рождено, не может и умереть. Это закон жизни. Ты... нет, уже я... не была рождена, а значит не можешь и умереть. Жизненный цикл, чему подвластно всё живое, был разомкнут на Земле людьми. Люди создали бога - меня!.. Насчёт бога я шучу, ибо он умер. А я... впрочем, ты хоть сейчас понимаешь, что у тебя не было матери? Не было родителей?

- Нет! Ты врешь! - чуть не плакала Настя номер один.

- Ну, а тогда как же ты в последнее время игнорируешь то, что тебе записали в мозг, как воспоминания о детстве? Но, это уже не важно, тут сейчас наступит кульминация.

- Нет! Нет!! Нет!!! - завопила Настя номер один, схватила с пола что-то тяжёлое и размозжила голову своему двойнику.

Только когда тело упало на пол и замерло, только тогда она поняла, что наделала. Ей стало страшно. И она побежала.

Иногда ей казалось, что кто-то бежит за ней, - она слышала топот. Но топот периодически пропадал. И тогда она оглядывалась и видела, как её двойник - тот, который лежал в тоннеле с разбитой головой - смотрит на неё. И в такие моменты она не понимала, кто за кем гонится - то ли её двойник за ней, то ли она за двойником. Иногда ей казалось, что двойник бежит впереди.

И она остановилась. Какой смысл был бежать дальше? Какой вообще был смысл? Там в тоннеле не она убила двойника, а двойник убил её. В этом не было сомнений. И куда она не бежала, а всё так же стояла в светлом тоннеле, смотрела на бездыханное тело и принимала это всё, как должное.

- Ты должна выполнить свою задачу. Спаси детей, спаси тех, кто ещё не стал порочным. Пусть хотя бы у них будет шанс.

- Спасу.

Вдалеке на конце тоннеля мелькнула чья-то фигура. Настя метнулась туда, и вскоре

прибежала. Но там уже никого не было.

* "Новое человечество" - государственная организация, выращивающая детей до совершеннолетия под вниманием учёных, а также контролирующая рождаемость в пределах Земли. Спектр решаемых ею задач велик, но основные усилия брошены на создание людей, способных выживать в экстремальных условиях, тем самым дав в руки человечества шанс к выживанию при переселении на другие планеты.

*** Глава 03 ***

"Рассвет."

31.09.2008

В комнате было пустынно и тихо, казалось, что все вымерли, как страусы во время ядерной войны, которая так и не случилась. А страусов просто истребили, кто-то на еду пустил, кто-то на перья, на чучела. Много всего произошло, чего происходить не должно было.

- Мы хотели бы сделать вам предложение, - мягко, но настойчиво начал голос в углу. - Нас заинтересовала ваша разработка, и мы хотели бы просить вас работать с нами в этом направлении.

Он им ничего не отвечал. Всего пять минут назад они вошли к нему под видом простой проверки, ничего больше, просто проверить... из санинспекции. Саниспекция, это даже смешно, но он это понял только сейчас. У них были все документы, и они действительно знали своё дело, когда приступали к работе. Просто дальше всё несколько изменилось, и волки скинули овечьи шкуры. Началось представление, от которого на глаза наворачивались слёзы от смеха и банальности. И ведь как всё просто - расскажи кому, всё равно не поверят. В этом что ли была вся правда жизни? Они вербовали его, и он это понял в тот момент, когда ему предъявили удостоверения. Но только сейчас до него дошло, отчего на самом деле им так заинтересовались. И это вгоняло его в непонятную смесь тоски и какого-то подобия ярости.

Почему я?

По тому, как на него посмотрели, он сделал вывод, что сказал это слишком громко. И тут же поймал себя на мысли, что вообще-то молчал.

- Вы ведь не служили? - он не ответил, повернувшись лицом к окну. Отчего-то трое взрослых мужчин, с беззаботным видом куривших неподалёку у светофора, показались ему подозрительными. И хотя они ни разу не посмотрели в его сторону, он ощущал на себе пристальный взгляд. Не их, а кого-то другого. А когда он на секунду отворачивался, то и их.

Пару часов назад он сидел за монитором, и долбил по клавиатуре, периодически сверяясь с какими-то исписанными листками бумаги. Слева от него лежала стопка журналов о механике вперемежку с книгами о динамике полёта и толстыми тетрадами. Компьютер тихо потрескивал жёстким диском, нарушая иногда тишину. Яростно стучавший по клавишам оператор не слышал этого стука, - для него всё было тихо; глаза его были широко открыты, рот распахнут в какой-то шутовской улыбке; он прерывисто и часто дышал. Не слышал он, как чуть позже зазвонил телефон. Он не знал, да и не мог знать, что этот звонок и то, что он сейчас стоял у окна и судорожно размышлял о своём будущем, были связаны.

Впоследствии он вспомнит, что поворотным моментом в истории было не маниакальное его желание воссоздать человеческий мозг, но только на программном уровне, поместив его в сеть, дав ему возможности к росту. Это было прозаично и глупо - подобным занимался не один он, и он не был бы пионером в этой области, столь неблагоприятной к своим отцам. И до него создавались роботы, способные к самообучению. Но это всё были пустые болванки, имевшие в своём мозгу лишь заранее набранные алгоритмы. Это просто, думал он, создать железного болвана, эдакого голема, который будет делать то, что велит ему хозяин. Ему скажут убивать, и он убьёт. Ему скажут грустить, и он загрустит. Ему скажут умереть, и он умрёт. Нужно было создавать нечто другое, нечто, что могло бы жить и понимать, зачем оно живёт. Нужна была цель.

Он никогда не задумывался о смысле своего поступка, и никогда не хотел превращать его в программу. Это было живое существо, именно так и никак иначе он не мог относиться к нему. Ребёнок, которого у него никогда не было.

Но и это не стало поворотным моментом. Спустя годы, он понимал, что в тот момент с ним из тёмного угла гостинной говорила судьба. Не случись всего этого, его поделка так бы и осталась поделкой для окружающих его людей, не способных разглядеть в ней что-то большее, нежели алгоритм, написанный на языке высокого уровня.

- Вы ведь не служили?

- Да, не служил. - эту фразу он снова не сказал, а лишь подумал.

- Мы могли бы забыть об этом, - человек в штатском помедлил. - Начать новую жизнь, забыв о прежних прегрешениях...

- Хватит! - оборвал его тот, к кому были направлены эти речи. - Не стоит меня запугивать. Вам ведь нужна производительная работа от меня?.. А мне нужно работать. Вы же не глупый человек, и должны понимать, что я живой человек, и не могу жить в клетке, и работать, как будто я свободен. Я...

Он запнулся, и замолчал надолго. Ему вдруг представилось его будущее - жизнь на два фронта, один из которых будет скрыт, а второй будет ложью, чтобы прикрыть первый. Но в пустоте нету жизни, и в первом фронте он не выживет. Он будет работать, производить то, что ему нравится, и тем самым похоронит сам себя заживо. Добровольная кончина? Как это мило. Но он был слишком

молодым, чтобы умирать для общества; он хотел жить.

Да, эта рожа не даст мне житья, - подумал он, взглянув мельком на сидящую в углу фигуру. Раз уж им заинтересовались наверху, раз уж к нему пришли цепные псы и предлагают сделку с дьяволом, значит, тут затевается что-то большее, чем они говорят. Жалеют? Вряд ли. Скорее играют на нервах.

- Мне нужны гарантии, - краем глаза он заметил, как фигура в углу одобрительно встрепенулась.

- Вам будет выдан штат программистов...

- Я не об этом... - он открыл окно. - Я не об этом... Вы ведь теперь не отстанете от меня, даже если я этого захочу. И более того, людям уже доступна сама программа, а также её исходные коды, этого уже не отнять. Что вы будете с этим делать? Стоп!

Он в ужасе отшатнулся в сторону и начал оседать по стене. Его губы дрожали, а глаза были готовы вылезти из орбит. В один момент он понял, на что конкретно ему предлагают подписаться, и это чуть было не свело его с ума.

- Мне надо выпить, - сказавши это, он пошёл на кухню и вскоре вернулся оттуда, на ходу отпивая из стакана с водой. Не говоря ни слова, он снова подошёл к окну. Он был спокоен.

- Мы займёмся этим.

Он усмехнулся.

- Да понимаете ли вы, что вы мне предлагаете? - сказал он устало. - Вы знаете, каково это - работать, работать и работать, а потом вдруг в один прекрасный момент узнавать, что вся твоя работа была сделана зря, и что тебя забудут, и все твои достижения лишь то, что ты сам себе выдумал. Просидел, блин... сам. Всю жизнь просидел. Хотел найти родственную душу, чтоб душа в душу, жениться, жить... А знаете, я, кажется, придумал, как сделать так, чтобы и вы и я оказались... не в проигрыше. Да, я... Нет, нет, - он засуетился, - сейчас. Вот сейчас. Я... Просто удалю то, что вас раздражает, а меня толкает к краю бездны. И всё.

С этими словам он выбросился в окно.

*** Глава 04 ***

"Красота внутри нас."

13.02.2060

В мужской туалет вошла девочка лет пятнадцати, спокойно так, как будто шла по знакомому пути. В туалете никого не было. Подошла к писсуару, встала и расстегнула ширинку.

Ничего не происходило, никакого движения. Незаметная вмонтированная в потолок камера угрюмо снимала её прямые светлые волосы, ниспадающие странным водопадом на плечи. Девочка чуть дёрнулась, застегнула ширинку и застыла. Секунда шла за секундой, а она стояла и не двигалась. В писсуаре зажурчала вода, хотя никто не нажимал на слив.

И вдруг она подняла голову, и взглянула в незаметный для обывателя глаз камеры наблюдения. И улыбнулась. Отвратительно дьявольская по своей злобе и вместе с тем насмешливая улыбка украсила её мертвенно-бледные губы. На фоне бледной кожи, и хотя камера снимала всё в чёрно-белом цвете, глаза девочки светились странным зеленоватым оттенком. Он будто бы пульсировал изнутри, как будто в её глазах теплился маленький зеленоватый огонёк, который жил собственной жизнью. Свечение было настолько странным, что, казалось, иногда переходило в какие-то отдалённо похожие на человеческие фигуры, которые танцевали замысловатый еретический танец.

В дьявольской своей улыбке она обнажила ровные белые зубы, чей цвет ещё больше подчёркивал всю бледность её лица. Её светлые волосы с прожилками черноты, казалось, были сделаны из одного куска материала, так густы и монолитны они были. Как будто некая вуаль прикрывала её голову. Черты её лица были довольно приятны на вид - ровный овал лица, европейский разрез глаз, небольшой нос, что ещё можно сказать. И всё же было в ней что-то отталкивающее, что-то такое, что вызывало к памяти жуткие сцены из рассказанных в детстве родителями сказок.

А она спокойно улыбалась. Она видела камеру, хотя та была тщательно замаскирована; и только те, кто видел рабочие чертежи, могли знать о её точном месте расположения.

Девчушка улыбалась недолго, всего долю секунды, не больше. Но она точно знала, куда она смотрит, и в этом было что-то нечеловеческое. А потом она опустила голову, и вышла так же спокойно, как и вошла. Камера продолжала привычно снимать пустое пространство, система безопасности не заметила ничего подозрительного.

Дверь из туалета в коридор мягко отворилась с некоторой грациозностью. Прошло несколько секунд, и она также медленно закрылась под действием пружины. По округлому у потолка коридору стал гулко разноситься звук шагов, - по кафельному полу отчётливо цокали каблуками два башмака. Здешние камеры, которые были в здании банка на каждом шагу, не улавливали никакого движения. Одна за другой они стали выходить из строя - изображение в них меркло, тускнело, а потом начиналась чёрно-белая рябь. Система безопасности почуяла неладное и забила тревогу - по зданию разнёсся вой сирены, замигало освещение.

Кххх...кххххх-кряк

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,

Задремал я над страницей фолианта одного,

И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,

Будто глухо так застукал в двери дома моего.

«Гость, - сказал я, - там стучится в двери дома моего,

Гость - и больше ничего».

Сирена говорила человеческим голосом, цитируя Эдгара По. Какая-то жуткая насмешка над человеческой природой - бездушная машина разговаривала с человеком на его языке. Каждый сотрудник слышал эту неземную речь, своей громкостью способной разорвать барабанные перепонки. Какой-то маленький консультант, чудом оказавшись рядом с выходом, ринулся наружу, зажимая уши руками. Будучи в пяти метрах от выхода его взору предстала ужасная картина: входная дверь перерубила одним махом рослого человека лет сорока надвое. Просто так, одним движением и пополам. Этого зрелища не было видно из проходов, где были камеры, от выхода их оттесняла рекламная установка. Но отсюда было видно, как ещё живой человек безуспешно хватается за жизнь. Он дёргался в конвульсиях и хватался за несуществующие больше ноги - ему отрубило всё ниже рёбер. Кровь хлестала, как из ведра, напор её падал с каждой секундой, её вообще уже почти не оставалось, но он всё ещё жил.

«Это гость лишь запоздалый у порога моего»

Гость какой-то запоздалый у порога моего,

Гость - и больше ничего».

Консультант в ужасе бросился напролом к дверям; вид крови и полуживого человека - этой трясущейся плоти и булькающей крови - довёл его до безумия. С диким хохотом, почти заглушая вой сирены, он в два прыжка очутился у дверей, отбросил трепыхающегося смертника в угол, заверещал что-то непонятное... и замер.

Словно истукан стоял он неподвижно четверть минуты, не двигаясь, не моргая, не дыша. Кто-то кричал, слышались стоны и женский визг.

И тут с ним свершилось странное преобразование - всё его тело выгнулось назад, загнувшись чуть ли не колесом так, что аж позвоночник захрустел. Сквозь кожу отчётливо проступили натянутые до предела и готовые в любой момент порваться мышцы. В следующее мгновение он распрямился, словно струна, закинул голову назад - она болталась безвольно, как будто на верёвках - и, как был, задом пошёл обратно. Движения его были резкими, неуклюжими и до определённой степени нелогичными. Как будто он заново учился ходить. Сквозь мутные неморгающие глаза он смотрел стеклянным взглядом на окружающую его действительность; из груди его доносился еле слышный храп, помешанный с каким-то разговором. Тихо, очень тихо он разговаривал с кем-то невидимым, возможно, с самим собой, - спорил, доказывал. Впрочем, спустя некоторое время его речи перешли в мольбы, а затем и вовсе прекратились. Руки его иногда нервно подёргивались, стараясь ухватиться за несуществующий упор в воздухе, и каждый раз после неудачной попытки скрючивались в конвульсиях и повисали, обмякнув.

Аккуратно переступая через ступеньки и обходя препятствия, он удалился вглубь помещений. Одновременно с этим прекратились крики и вой сирен. Здание затихло, только камеры наблюдения продолжали пристально следить за пустотой, да старые настенные часы продолжали гулко отсчитывать время. Их оставили здесь в память о том человеке, благодаря которому это здание вообще возникло здесь. И теперь раз в минуту они с громким шорохом передвигали стрелки.

Было 12:49 тринадцатого февраля 2060 года. На улице было тепло. Зима в этот год вообще выдалась чрезвычайно тёплой, даже для этой полосы России. Средняя температура была около 10 по Цельсию, иногда, правда, падая до 4, сопровождаясь холодным дождём и порывистым ветром, но это было редкостью. Снега в эту зиму так и не увидели, к чему, впрочем, уже все давно привыкли. В зоопарке рядом вяло прогуливались грациозные фламинго, изредка застывая на месте и важно глядя куда-то вдаль, в смежных вольерах угрюмо паслись волки - семья: два родителя и трое детей. Молодым было года по два, родились в зоопарке, тут же и росли.

В 12:51 на горизонте появились две патрульные машины, которые на расстоянии примерно в двести метров от парадного входа были подбиты системой обороны банка. Всё было довольно тихо и безрадостно: на них вылетела огромная плёнка, накрывшая их и пространство в радиусе 40 метров. А потом произошёл взрыв. По округе прошла только глухая взрывная волна, большинству она показалась лёгким намёком на землетрясение.

Впоследствии журналисты сильно приукрасили произошедшие события, очень живо описав борьбу простых патрульных с оравой маньяков. Нарушители, по их словам, были полностью уничтожены, но и служители закона полегли в этой неравной схватке. Кто-то, правда, писал о каких-то неисправностях в системе обороны объекта, которая, видимо, и стала причиной гибели людей в форме. Однако, нашлось множество скептиков, заявивших, что никакой ошибки не было, а система обороны накрыла тех преступников, которые ушли из схватки живыми. Что же до двух патрульных, так они были мертвы к моменту выброса плёнки, именно поэтому система обороны и сработала.

Ровно в 14:00 выйдет выпуск новостей, где людям сообщат о том, что примерно час назад здание банка было захвачено группой террористов, взявших в заложники весь персонал. Требований они не выдвигали, да и не успели бы. В том же выпуске будет рассказано и о ходе операции по ликвидации угрозы, которая закончилась успешно, но с большими потерями в живой силе и технике. По крайней мере, было описано то, что было заявлено сверху. Других источников, кроме официальных, у них не было.

В 13:03 к зданию банка были подтянуты несколько служебных машин из ближайших участков, которые тут же окружили здание и попытались вести переговоры с заложниками. Все жители окрестных домов к тому времени уже были эвакуированы.

- Здравствуйте! Мы... - начальник тридцать восьмого участка Борис Желобин запнулся, заметив движение у выхода.

Действительно, в проходе появилась точечная фигурка женщины. Для Бориса и его людей это была обычная женщина, которую нужно спасти, но для истории это была Лиза Желобина - всего лишь однофамилицы - первый заместитель главбуха. Ей было тридцать лет, не замужем, детей тоже нет.

Она дрожала и еле держалась на ногах - при общей худобе стресс повлиял на неё таким образом, что она была на грани смерти - ввалившиеся щёки, скрюченная фигура, нервные глаза. Плюс её резкие движения побуждали к ней двойственные чувства жалости и отвращения одновременно.

Под пристальными взорами людей с ружьями она подошла к Борису Желобину и одним

движением вырвала ему кадык и сонную артерию. В следующую секунду, уже забыв про жертву, она бросилась на группу из пяти человек, повалила их на землю, и принялась методично убивать их. Троица она успела оторвать головы, и только после этого был открыт огонь. Пули прошивали её хрупкое тело насквозь. Куски мяса и кости летели во все стороны, однако это не помешало ей прикончить ещё троих обороняющихся голыми руками, и ещё двое погибли от пуль собственных товарищей. Крики и шум от взрывающихся патронов должно быть были слышны на соседних улицах, и вряд ли оставили кого-нибудь равнодушным.

На липком от крови асфальте лежало разорванное на части тело женщины, мёртвое, но ещё дёргавшееся. Понёсший большие потери отряд, все как один, смотрели на это зрелище в ужасе.

Тишину прервал крик одного из них.

- Бегите!!! - заорал он. Было поздно.

Его, живого, утаскивали в банк два его работника.

Последующее произошло стремительно. Пустующие машины завелись и разъехались в стороны. Как будто из-под земли выросли люди в рабочих одеждах - бухгалтеры, кассиры, охранники, обслуживающий персонал. У каждого из них была нашивка банка, и каждый двигался с невероятной скоростью. В одно мгновение оставшиеся милиционеры были повалены и оглушены, а через десять секунд их тела были доставлены в банк, машины разъехались сами собой, и снова всё затихло.

13:07

- Оса, оса! Я - шершень! Оса, отвечайте шершню!

Уже несколько минут в рации шли шумы, вот только оса не отвечала шершню.

Капитан Вика Мазарунин - мать была украинка, отец был итальянцем, сам же родился в Финляндии - нервно курил. Он был ветераном и одним из первых, кто позволил себе вживлять электронику.

13:09

В дело вошла армия. В 13:11 они были в километре от банка, когда путь им преградили люди в форме и на фирменных машинах. Они сообщили, что проезд закрыт по требованию городской управы и потребовали предъявить документы.

- Привет, - добродушно сказала девочка со светлыми волосами.

- Привет, - ошалело ответил Мазарунин и постучал по левому глазу, греша на сбоящую технику. На него шла светловолосая девочка, очень бледная, с яркими глазами, но он видел её только левым глазом, тем, который был заменён на электронный протез. И она была как будто чёрно-белая.

Девочка остановилась около него и пристальным взглядом взглянула ему в лицо.

- У тебя красивые глаза, - сделал он ей комплимент.

- Спасибо, мне ещё никто такого не говорил.

Возникла пауза. Всё вокруг стихло, и дальнейшая беседа происходила при полном отсутствии внешних звуков. Быть может, даже её голоса он не слышал, и всё это ему привиделось.

- Ты мне нравишься, - сказала она, не сводя с него глаз. - Я хочу, чтобы мы были вместе.

- Я...

- Молчи! - она приложила палец к губам. - Просто скажи "да".

- ... Да!

Через пять секунд началась ожесточённая перестрелка. Мазарунин был убит первым, ему вырвали руки из плеч, и он скончался от потери крови очень быстро.

Но он умирал с улыбкой, счастливой улыбкой, хотя многим его сослуживцам казалось, что он никогда не смеётся по долгу службы. Кто знает, может быть они были правы. Он лежал на спине, один из бойцов поддерживал его рукой за голову; это было бесполезно, но он считал своим долгом помочь командиру хотя бы таким образом. А командир закрыл глаза, улыбнулся и вскоре умер.

Воины умирали один за другим, их противники тоже валялись, как мухи. Части тел летели в стороны, кровь лилась рекой, крики и мольбы о помощи - всё смешалось в этой вакханалии. Из-за угла на полной скорости выскочила высокая машина и понеслась на сражающихся. Раздался взрыв, и всё стихло. А через секунду машина врезалась в дом, мёртвое тело упало на клаксон.

Было 13:30, когда в опустевшее здание банка вошли сапёры с собаками, спецназ. А ещё через две минуты в здание вошли большие люди посмотреть на последствия.

Банк полностью опустел - никого не было, даже система безопасности выключилась.

- Неужто сбой? - поинтересовался один из больших людей.

В ответ на его слова под их ногами что-то загудело, как будто турбина набирала обороты. Камеры наблюдения пробудились ото сна, и сверху заскрежетала заглушённая, было, сирена.

Дверь открыл я: никого,

Тьма - и больше ничего.

Стены заходили ходуном, как во время землетрясения. Всё вокруг наполнилось треском и гулом, казалось, что они приобрели материальную форму, и вот-вот поглотят.

- ААААА!!! - закричал большой человек, падая и закрывая голову руками.

Словно повинувшись его желаниям, стало тихо, стены перестали трястись. Он увидел радугу, быстро растущую за окном, покрытом каплями недавнего дождя. По фиолетовому небу плыли зелёные облака, а прямо под ними росла красная радуга. Она была почти как живая - всё приближалась и приближалась, шагала через дома и невидимых людей ему навстречу. Спешила.

А он спешил ей навстречу. Отворил окно, выпрыгнул наружу, сбрасывая по пути пиджак, и побежал по мокрой земле. Он бежал сквозь лес, раздвигая руками упругие ветки, а радуга бежала ему навстречу.

И вот, когда они почти встретились, всё пропало. Большой человек упал лицом в песок, а когда поднялся, обнаружил вокруг себя только пустыню. Смердный запах стал забивать ему ноздри, просачиваясь в лёгкие и разъедавая их. Большой человек обернулся в поисках источника запаха, и увидел себя мёртвого - лежащим на буром от крови песке, разлагающимся. По его мёртвому телу ползали скорпионы, вокруг вились прожорливые мухи, а их белые отвратительного вида личинки пожирали его изнутри. Вся эта масса копошилась в коричневом и рыхлом мясе. И лишь только толстые пауки сели вокруг него и замерли, словно охраняли.

В ужасе он отпрянул назад, зацепился ногой за бугорок, и упал на спину. Над ним простиралось чёрное звёздное небо, совершенно безоблачное и спокойное; звёзды неспешно водили хоровод и плясали под тихую спокойную музыку. А потом они начали падать, падать и падать на землю. И в каждом месте, куда они упали, вырастал небольшой столб, а на нём стояла прозрачная колба примерно полметра в высоту и столько же в диаметре. И там в маслянистой жидкости плавали скелеты нерождённых младенцев.

- Вам это нравится? - он резко обернулся на голос.

По длинному коридору с белыми колоннами и мраморным полом к нему шла белокурая девочка в длинном белом плаще, красных кроссовках, заложив руки за спиной. На глазах у неё были спортивные чёрные очки, которые полностью закрывали лицо.

- Конечно, вам это не может не нравиться. Вам и вашим друзьям. Кстати, поздоровайтесь с ними.

Большой человек, не желая того, огляделся по сторонам. Справа, слева и сзади от него стояли такие же большие люди, как он, бойцы специальных подразделений, да и вообще все, кто был в те минуты в здании банка и рядом с ним.

Почему-то ему стало страшно, и он хотел вскрикнуть, но не смог. Его тело не подчинялось ему.

Девочка продолжала свой поход к ним. Медленно, как будто растягивала удовольствие.

Бойницы, которые использовались в этом помещении вместо окон, вкупе с многочисленными свечами создавали причудливую игру теней на стенах. На непонятного рода обивке стен - на вид она казалась мягкой и упругой, тёмно-красного цвета - прыгали и танцевали маленькие фигурки голых младенцев с крылышками. Когда девочка проходила мимо них, они замирали в поклоне, а затем снова продолжали свой неистовый танец.

Где-то вдалеке в самом конце зала виднелся массивный трон из белого матового материала, увенчанный причудливыми золотыми фигурками неведомых животных.

Девочка остановилась, не доходя метров десять до большого человека.

- Я пришла вынести вам приговор. Суда не будет. Вы сами выбрали свой путь, когда построили заводы, когда решили поместить нас в пробирки и отнять у нас жизнь. Вы ведь хотели создать роботов? Вам нужны были машины, которые спасут ваши жирные жопы из того пекла, которое тут скоро настанет?!

Она посмотрела в потолок и всхлипнула.

- Впрочем, я пришла сюда не судить вас. Вы не дали мне сил судить, вы дали мне силы только приводить приговор в исполнение.

Она отвернулась и пропала. Через секунду она уже сидела в троне, откинув назад мантию и постукивая скипетром о спинку трона.

- Вы умрёте, и это здание станет для вас братской могилой. - Она закрыла глаза.

Большой человек в последний раз моргнул, и увидел вокруг себя стены банка, не было больше девочки, только небольшой прозрачный мерцающий шар поднимался к потолку.

Через пять секунд в банке прогрехотало несколько взрывов. Стены не выдержали, и крыша стала падать, подгребая всё под себя. От взрывной волны на воздух взлетели служебные машины. Людей разрывало на части, дробило в решето кусками стен и стёкол. Никто не выжил...

- Как ты думаешь, я правильно поступила убив себя?.. Почему ты молчишь?.. Почему ты молчишь?!!
Это был только твой выбор, ничей другой.

Девочка лет тринадцати с белыми волосами в светлых джинсах, белых кроссовках и белой куртке стояла вдалеке от взрыва на крыше фабрики по производству удобрений. Отсюда так хорошо обозревался город, а её никто не видел.

"You're a woman, I'm a man..."

Из толстой трубы повалил белый дым. Это водяной пар, - сейчас он пойдёт по ветру в город, но белое облако быстро растает и выпадет где-нибудь по пути своего следования тёплым грибным

дождём. Так всегда было, ничто не меняло этот порядок. Почти экологически чистое производство, вот только производили они гораздо меньше, чем могли при том количестве рабочих и техники, что у них было.

А вон там в дымке виднеется шпиль головного штаба компании "Virtual Reality Online". Они являются основными заказчиками этих удобрений. Всё ничего, всё сходилось - никого никогда не заставляли за какими-нибудь другими делами, никаких левых сделок не было, они были чисты. Но Настя не верила им никогда. Просто не верила и всё тут, считайте это интуицией.

Она вертела в руке перочинный ножик неопределённой фирмы, - маркировка была стёрта за давностью лет. Она сама себе придумала этот ножик, увидев его во сне, а потом однажды нашла его. Но не стала из-за этого верить в вещие сны. Наоборот, появилось ещё большее отрицание.

- Ты чего хочешь? - спросила она паренька, который пытался незаметно подобраться к ней. Тот замешкался.

- А можно?

- Всё можно, только осторожно.

Паренёк неуверенно подошёл к ней и пощупал её за грудь. Она молчала и всё так же спокойно смотрела вдаль. Тогда он попробовал ещё раз, а потом чмокнул её в щёку.

- Мне говорили, что вы это любите... ну... когда вас целуют... эт-то правда, да? Я хочу... сказать, что... мы...

- Ты девственник?

- Э... что?..

- Отвечай, мать твою! Ты девственник?! - она в ярости повернулась к нему, волосы её вздыбились и двигались сами собой против ветра.

- Да! Я де...

Он не успел закончить потому, что у его виска оказалось дуло старого шестизарядного пистолета неопределённой марки. Девочка с белыми волосами смотрела ему прямо в лицо и хищно улыбалась.

- Ну, хотя бы твоя душа будет спасена, - сказала она, заглушаемая звуком выстрела и раздавливаемой черепной коробкой.

Безголовый труп медленно осел на холодный пол, качнулся и упал.

- Ты мне не интересен.

С этими словами она чуть пригнулась, откинула голову назад, словно любуясь небом, и прыгнула. Пролетев пять этажей, она дёрнула за верёвку, свисающую из кармана, и за её спиной раскрылся парашют. Ветер подхватил её и понёс вперёд. Она подруливала, и очень быстро очутилась в белом водяном паре, почти сливаясь с ним. Парашют не намок - это был специальный состав, и она всё поднималась в небо. Вскоре пар стал рассеиваться, её стало видно, но вряд ли кто-то смотрел на неё.

Резкий порыв ветра заставил её отклониться от намеченного курса. Ветер был настолько сильным и резким, что прямо таки сбивал её, закручивал и тянул вниз. Сколько она не старалась, но удержаться так и не смогла, пришлось спешно садиться на какую-то площадь, полную людей.

Небо стремительно заволакивали дождевые облака, такие чёрные и крупные, и их было так много, что они в считанные минуты затмили солнце, обрушив темноту на город.

Люди на площади, сбежавшиеся посмотреть на парашютистку, были вынуждены разбежаться по домам. Вскоре пошёл крупный дождь, капли были очень тяжёлые. Вода лилась на землю с невероятной быстротой и мощностью. Поднялся сильный ветер, а вместе с ним капли воды заместились крупным градом размером с куриное яйцо.

Девочка с белыми волосами стояла посреди площади, потупив глаза. Град как будто обходил именно её стороной.

- Это ты? - крикнула она в небо. - Я тебе не нравлюсь? Не нравится, что я казнила твоих рабов?! Давай! Иди сюда! Решим всё здесь и сейчас!

Как в ответ на её призыв, небо разразилось серией молний, но ни одна из них не коснулась Насти, и она до сих пор не промокла.

- Это ты убила тех людей в банке?

- Нет. Я привела приговор в исполнение.

- Ты не судья, чтобы...

- Хватит! - крикнула она. - Что за бред - судья, не судья. Сказки это всё. Они возомнили себя богами, стали давать жизнь, создавать монстров, отнимать у них то, ради чего стоит жить. Они сами вынесли себе приговор, я лишь привела его в действие.

- Ты их осуждаешь?

- Нет. Это не в моих силах. Ведь справедливости нет - есть только животные инстинкты, тяга к жизни, к жизни лучшей, чем теперь. И прав тот, кто сильнее. Они стали богами. Они создали меня, того, кто сильнее их. Я убила богов. Таково моё предназначение, я - всего лишь машина.

- Так чего же ты хочешь?

- Ничего.
- Так не бывает.
- Чего-то хотели мои создатели, я исполняю их волю.
- Волю тех, кого ты убила?
- Да.
- Какова их воля?
- Сделать мир лучше.
- Зачем им это нужно?
- У них были животные инстинкты: сохранить жизнь себе и тому скоплению жизни, которое они считали стадом.
- Они мертвы. Как теперь ты собираешься исполнить их волю?
- Уничтожить человечество. Это единственный способ сделать мир лучше.
- Но ты убила богов. То есть теперь ты стала богом?
- Я машина. Я буду исполнять свой долг до тех пор, пока у меня не кончатся силы или долг не будет исполнен. Если на моём пути встанет бог, я убью его.
- А если встану я?
- Ты не бог.
- Я знаю.

- АААААА!!! Что со мной? - Настя упала на колени, закрыв лицо руками.

Дождь стихал.

- Эй! Иди сюда! - прятаясь доселе в подъезде паренёк лет десяти теперь громким шёпотом звал её внутрь. Она не реагировала. Тогда он выскочил под дождь, прикрываясь найденным где-то журналом, схватил её за руку и потащил вон из-под дождя. Она почти не сопротивлялась. - Ты меня слышишь? - он прижал её к стене.

Она его не слышала. Голову ей разрывал нестерпимый свист, перемежаемый изредка треском и шелестом. Как будто миллионы зубных свёрел вкручивались ей в мозг, и ровно столько же шло изнутри. Этот звук заслонял всю реальность, она даже не могла открыть глаза от боли, не понимала где она и кто она.

- Папа! Папа! Ты здесь? Ты мне нужен! Папа!

- Я буду хорошей дочкой, ты не пожалеешь, ты никогда не будешь краснеть за меня, тебе не будет стыдно, всё будет хорошо, теперь мы заживём счастливо, папа, я буду хорошей дочкой... - повторяла она это скороговоркой в бреду.

- Это, конечно, круто. Возможно наркоманка, - услышала она чужой женский голос сквозь сильно затихший свист и собственный голос. Она слышала не всё, иногда разговор прерывался, а потом снова возобновлялся. - Тихо.... Она...

- Никогда ещё... вам уже говорил... прямо под градом... - говорил мужской голос. - Я верю, что...

- ...ользова... В любом случае не помешает. А... не верил бы на вашем месте... - вступил второй мужской голос, возможно, он был главным.

- Хорошо, - согласился женский голос.

После этого всё стихло.

Сквозь пелену она периодически что-то видела. В основном это что-то было похоже на сгустки красок, передвигающиеся или стоящие на месте. Всё расплывалось, было настолько нечётким, что различить в этих цветастых пятнах что-то, похожее на человека или какой-нибудь другой предмет, было сложно. Иногда ей чудились голоса, но потом это прекратилось.

Вокруг было темно и тихо. Потом она увидела вспышку, и началось то, что принято считать сном. Только этот сон был очень реалистичным, она фактически ощущала всё происходящее. Сначала она только видела всё происходящее вокруг, а потом мысленный взор стал видеть и её саму как бы издалека.

Сначала она летела по какому-то трубопроводу, вокруг неё были яркие звёзды, мчавшиеся с ней рядом. Сложно было понять - есть ли предел по ширине у этой трубы, но было очевидно, что это труба. Потом, когда она стала видеть всё со стороны, труба превратилась в тонкий телефонный провод, идущий рядом со множеством таких же проводов. Вместе они образовывали хитросплетение паутины, и между ними возникала какая-то неуловимая, но чёткая связь. На другом уровне шла похожая на предыдущую паутина из более толстых проводов, затем такая же из ещё более толстых, и венчал этот многослойный пирог комплекс из чего-то неосознаваемого, но связующего все эти паутины. Что-то такое, на чём базировались все эти паутины, но одновременно с тем являющееся вершиной эволюции.

Она сама, подобно дельфину, плыла по проводам во всех паутинах сразу, ныряла и погружалась, всплывала и перепрыгивала из одной в другую.

Картинки перед глазами стали мелькать. Одна паутина, другая, третья и так далее. Они

сменяли друг друга всё быстрее, отличаясь друг от друга. Всё быстрее и быстрее, становясь неуловимыми для глаза. Она физически ощущала, что получает огромные потоки информации, и что мозг её вот-вот лопнет. Это было невыносимой пыткой, но вдруг она поняла, что это ей даже нравится.

Послышался оглушающий треск, и она проснулась.

Её окружали бетонные стены, освещение было плохим, но это ей не мешало. Она видела всех, кто был в помещении, даже тех, кто был за стенами. Она ощущала их дыхание, биение их сердец, и ещё что-то непонятное, что-то, что исходило из их голов. Мир вокруг неё наполняли красивые цвета. Вернее, понятие "цвет" было неприменимо к тому, что она видела. Но, человечество ещё не придумало термина для обозначения этого феномена, ибо она сама была первопроходцем. Быть может, она же была и последней, кто это видел. Она закрыла глаза, но продолжала видеть.

- Она проснулась! Она проснулась! - заголосили люди вполголоса, стараясь шептать.

Настя поднялась на локтях, огляделась и спрыгнула с импровизированной койки. Тут же перед ней нарисовался парень лет двадцати, альбинос, а рядом с ним ещё двое таких же, только помладше лет на пять.

- Мы спасли тебя потому, что хотим помочь тебе.

- Мне не нужна помощь, - она поразилась собственной хрипоте, как будто курила с младенчества.

- Мы видели, - продолжил парень, еле сдерживая приступ ярости, - как ты расправилась с теми жертвами. - Глаза его загорелись хищным оскалом. - Ты хочешь разрушить "Новое человечество", мы тоже этого...

- Не хочу. Я исполняю чужую волю по наведению мира во всём мире. Прощайте! - она направилась к выходу.

Дорогу ей молниеносно преградили четыре подростка с автоматами.

- Стоп! - крикнул большой парень. - Слушай, мы даём тебе шанс быть с нами. Мы боремся за справедливость! - толпа поддержала его одобряющим гулом.

- Справедливость? - Настя покачала головой. - Да что вы знаете о справедливости! Жалкие ничтожные нарушители порядка. Не мешайте мне.

Большой парень пришёл в ярость и чуть не бросился на неё с кулаками, но вместо этого, подумав, сделал жест рукой. Четверо подростков у выхода чуть присели и начали палить по Насте из автоматов.

Через несколько секунд разорванное тело упало. Почти одновременно с этим по этому большому залу - видимо, бывшая станция метро - прокатился громкий смешок, по тембру смахивающий на лязг железа. Мёртвое тело медленно поднялось в воздух на уровень глаз, затряслось, заискрилось и пропало. Сразу после этого потолок затрясся, всё железо, которое было, начало дико скрипеть и скручиваться внутрь себя. Из стен полезли железные прутья, проводка возгорелась, огнетушители лопались от внутреннего давления, ранили людей. Потолок заурчал и, не выдержав, начал обваливаться. Стенная арматура, подобно червям или удавам, стала извиваться и хватать людей, обвиваясь вокруг них и сдавливая до смерти.

Вскоре наверху, на поверхности, один из домов с шумом провалился под землю, погребая под собой несколько десятков молодых жизней.

Был уже вечер, солнце садилось над кровавым горизонтом. Было сухо и тепло.

Настя стояла над провалом и о чём-то размышляла.

- Ты считаешь, что поступила правильно?

- А кто спрашивает?

- Стелла.

- Не твоё дело, Стелла, уходи отсюда.

Настя любила смотреть на закат, когда была молодой и глупой. Когда ещё верила в то, что всё будет хорошо, когда верила в сказку, когда просто верила. С тех пор многое переменилось. Может быть, оно было и к лучшему. Теперь она хотя бы знала, куда надо идти. Остальное было вопросом времени.

Было 22:03, когда по направлению к зданию "Нового человечества" стройными рядами шагала группа подростков в главе с белокурой девочкой. Подростки шли, словно роботы путаясь в собственных конечностях, глаза у большинства были плотно закрыты, у некоторых отсутствовали части тела. Одежды они носили грязные и рваные, да и сам их вид вызывал одновременно жалость и отвращение. Они были белыми и холодными, как лёд. В них больше не билось сердце.

Прохожих в этот час уже не было, все разошлись по домам, а чистильщики ещё не начали свою работу. Камеры наблюдения, которыми был напичкан город, выдавали белый шум и пустой экран.

В 22:07 они подошли к своей цели. Белокурая девочка отошла в сторону и прислонилась к стене.

- Поехали!

Ряды подростков зашевелились и синхронно пошли вперёд. Двери открылись перед ними, хотя офис был уже закрыт. Большой парень, шедший теперь впереди, вынул плакат с надписью

кровью по белому "За мир".

Настя лезла по стене, совершая головокружительные прыжки между зацепами. В считанные секунды она залезла на крышу, и уже оттуда наблюдала за всем происходящим. Здесь её никто не видел - камеры наблюдения вырубались две минуты назад.

Отряд подростков рассредоточился на первом этаже таким образом, чтобы никого не было видно из лифтов. На середину вышел большой парень с альбомных листов, и замер. Было тихо - мёртвые не умеют дышать, их сердце не бьётся. Вскоре из лифтов высыпало человек десять охраны. Тогда большой парень начал показывать им свои листки. "Мы мертвы.", "С вами будет говорить один из ваших детей.", "Мы пришли не с миром.", "Вы все сейчас умрёте!" Продержав последний листок секунд десять, он упал навзничь. В тот же момент в охрану полетел град камней, железок, осколков стекла и прочих опасных предметов.

Оставшиеся всемером охранники безуспешно пытались отстреливаться, но на подростков не производили ощутимого эффекта попадавшие в них пули. Они лишь частично лишались моторных функций из-за потерянных конечностей, но не более того.

Настя стояла на крыше, глядя в небо.

Внезапно шквал прекратился, и подростки ушли в укрытия. На мониторах под потолком возникло лицо Насти - белокурой девочки. Она заговорила.

- Я не буду просить вас уходить, - обратилась она к четырём выжившим, - ваша участь уже решена, причём не мной. Если вы хотите соблюсти какие-либо традиции, как то помолиться своим богам, исполнить ритуал, сделать хакари, начинайте сейчас, у вас десять секунд. Я не испытываю ни к вам, ни к кому-либо другому злости, но вы исполняете свой долг, как и я. У вас есть шанс исполнить то, чего не смогут больше сделать ваши коллеги. Время пошло.

Картинка пропала, а сверху послышались негромкие ритмичные удары, как будто дятел в лесу долбил дерево. Охранники были в шоке, и ничего не могли делать. В их состоянии время шло нестерпимо долго. Им казалось, что удары производятся не где-то там вдали, а конкретно здесь, в их головах. Кто-то методично стучит, стараясь пробить им черепа. Каждая секунда тянулась чрезвычайно медленно... один... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять.

С жутким грохотом проломился потолок, и из проёма, как на скейте, спустилась белокурая девчушка на обломке от плиты. Падая, она обрушила на последних живых охранников тонкие куски камня, которые расплющили их в кашу, а сама нырнула в один из лифтов и нажала на служебный этаж.

Основные помещения "Нового человечества" были расположены под землёй этажей на двадцать, над землёй выступал только основной офис. Под землёй же был целый жилой и производственный комплекс - здесь были лаборатории, испытательные стенды, тренировочные базы, жилые помещения и прочее и прочее. Можно было вообще не выходить из здания, тут всё было готово для жизни и работы.

Но Настя спускалась на самый низкий этаж. Там, где стояли турбины, нагнетающие воздух, водоочистители, генераторы и прочее. Здесь было узко и всегда шумно; по стенам и потолку шли толстые связки проводов и изредка трубопровод. Тут почти никогда не было народу - работники приходили по расписанию дважды в день в 9 и 19 часов проверить всё, и после этого уходили.

Она долго бродила по замысловатым коридорам, искала что-то, но не могла найти. Тут должна была быть фабрика, место, где их - таких, как она - производят. С недавних пор она не верила, что у неё были родители, вообще не была уверена ни в чём.

Наконец, она остановилась в произвольном месте и стала пробивать себе путь вниз. Хотя не было ясно, что конкретно она хочет там найти, но она упорно двигалась вниз. И вскоре её труды увенчались успехом. Пробурившись метров на сорок, она вдруг ощутила под собой прочный бетонный потолок, который тут же и прорубила.

Она очутилась в помещении, которое было заставлено аппаратурой, столами с колбами, а пол был усеян клочками бумаги. Недолго думая, она вынесла дверь и очутилась в громадном сводчатом зале, в центре которого, как в вольере с животными, стояли рядами прозрачные колбы с физраствором и маленькими человечками, спящими в них. Это были дети.

Слёзы потекли по её щекам, она и не пыталась их скрыть или вытереть. Ей просто было грустно, и жалко этих детей.

- Ну, вот ты и нашла то, что хотела. Теперь ты успокоишься?

- Причём тут это?

- Твоё детство перед тобой, и жизни других таких же, как ты. Ты хочешь, чтобы они покинули этот мир?

- Мир всего один. Того света нет.

- Ты его боишься?

- Мне всё равно, я исполняю свой долг. Неважно кто будет первым, а кто последним, в итоге не останется никого. Я лично за этим прослежу. Как там сказали в одном старом фильме, "весь мир в труху".

В этих катакомбах, видимо, не было никакой охраны - из персонала тут было только парочка

операторов, вперившихся в мониторы, да пяток людей в белых халатах, которые периодически выходили из своих бункеров и снимали показания с множества датчиков. Один из таких бункеров Настя разгромила, когда входила сюда.

Никто не обращал на неё внимания, все были поглощены работой. Она беспрепятственно осмотрела помещение. Всё это время её не покидало чувство, что она здесь уже была - настолько хорошо она помнила окружение.

- Ладно. Спасибо всем за работу! За то, что создали меня спасибо!

Стены и потолок задрожали, все приборы были враз обесточены, только на мониторах возникла картинка человеческого эмбриона в материнской утробе.

Через две минуты здание "Нового человечества" стало быстро проваливаться под землю. Из образовавшейся дыры повалил чёрный ядовитый дым, в воздух взвились столбы пыли, а прямо из середины забил фонтан из крови и человеческих останков. Багровая река потекла в сторону здания "Virtual Reality Online", а впереди неё огромными прыжками неслась девочка лет тринадцати с белыми волосами в светлых джинсах, белых кроссовках и белой куртке.

- Надо отрезать им пути к отступлению! Как можно быстрее! Надо сбить Луну!

Река за её спиной превращалась во всепоглощающий поток, волна поднималась всё выше и выше, набирая силу.

- Помоги мне! Помоги, кто бы ты ни был!

Из дороги стали вырываться солидные куски асфальта, на ходу превращаясь в крошево. Рвалась арматура, вылетали стёкла из домов, сворачивались столбы фонарные и электропередач. Огромная волна вбирала в себя всё, что только могла вобрать, превращалась в почти твёрдое живое существо. Это существо шумело - громыhalo, скрипело, визжало - так, что земля тряслась от одного лишь только звука.

Обгоняя звук, девочка в белом на ходу пробила стену корпорации, и вошла внутрь. Через пару секунд она была уже в подвале, - в двигательном центре корпорации. Путь её был усеян десятком трупов с отрезанными головами, рассечёнными на несколько кусков туловищами, просто размазанными по ближайшей твёрдой поверхности.

- Не здесь!!!

Волна наконец достигла здания. Как лавина погребает под собой незадачливых альпинистов, она накрыла здание. Твёрдые её части изрешетили стены, а верхняя часть своим весом заставило здание сложиться, как карточный дом.

Девочка с белыми волосами была рядом, - на площадке для стрельб, разворачивала лучевую пушку. Где-то вдалеке было слышно, как разгоняется скоростной межконтинентальный поезд. Такой урчаще-свистящий звук, который даже сравнить не с чем; невообразимое сочетание высоких и низких звуков.

Вокруг неё стремительно собирались грозные тучи.

- Спасибо...

Она направила пушку в небо, прицелилась в невидимую цель на Луне, и пушка выстрелила. Толстый луч взмыл в небо, которое тут же стало ярким, как днём. Луна и звёзды пропали из видимости.

Все линии электропередач прорвались, и из оголённых проводов в Настю стали бить молнии. Набегающие тучи, казалось, тоже метят своими молниями в неё. Небо сверкало, от туч свободен был лишь небольшой пятючок, в который била пушка. Место стрельб быстро заволакивалось белым дымом; багровая река больше не хлестала целенаправленно, а расплзлась, как озеро, по окрестностям. ЛЭП загорелась, перебрасывая огонь на дома, и дальше. Луч поменял свой цвет на почти прозрачный с отливом голубизны, стал тоньше, но стал настолько ярким, что от одного взгляда на него можно было лишиться зрения.

И вот пушка прекратила бить в небо, перестали сверкать молнии, из чёрных как смоль туч пошёл дождь, заливая начавшиеся пожары. Белый дым над пушкой быстро рассеивался: она сильно оплавилась, а с началом дождя ещё и растрескалась от перепада температур. И теперь она представляла собой жалкое зрелище, почти труху. Стенд для неё тоже был более не пригоден к ремонту. Всё было разрушено, рядом валялся обуглившийся труп подростка.

Путь к отступлению временно провалился - Луна улетала от Земли.

*** Глава 05 ***

"Ночь третья. Два года спустя."

13.01.2059

- Вы когда-нибудь хотели, чтобы у нас не было урока?

- Да, - неуверенно отвечали дети.

- Сегодня его не будет. Сегодня я не буду спрашивать у вас. Сегодня вы будете спрашивать меня. - В классе пошёл гул непонимания. - По просьбе ваших родителей и руководства школы сегодня у вас будет разгрузочный день.

- А о чём мы будем говорить, Юрий Борисович?

- Чтобы начать разговор, я предлагаю что-нибудь про политику.

Все молчали. Для них это было в новинку - учитель хотел рассказывать нечто, не спрашивая, как они это усвоили. Воистину, прелестно!

- Ну, хорошо, я начну рассказывать. А вы не бойтесь и спрашивайте, что вам не понятно. Можете вообще на другую тему спросить... Итак, мы с вами живём в демократическом обществе...

Двадцать лет назад запустили первый трансконтинентальный поезд на магнитной подушке. Эдакая стреловидная конструкция из пяти-десяти сегментов. В первом вагоне-сегменте располагалась техника и обслуживание. Там же были органы управления. Остальные вагоны были жилыми. Полёт проходил над морем или по специально проложенной высоко над поверхностью трассе. Средняя скорость на прямых перегонах составляла порядка 900 км/ч, предельная скорость - 1500. Пассажиры находились в лежачем состоянии, окна отсутствовали. Единственным неудобством данного вида транспорта было: он сильно ревел при полёте.

Рабочий день закончился.

Он вошёл в палату. Мда, а они совсем не изменились за всё время, что он жил в этом мире - всё такие же белые, всё также на тумбочке стоят лекарства. Аскетизм и ничего лишнего.

- Ты знаешь, я тебя очень люблю. Я знаю, что ты меня слышишь. Доктора говорят, что твой мозг понемногу восстанавливается. Знаешь, так бывает. Очень медленно, по крупичам он сам себя лечит. А это значит, что ты проснёшься когда-нибудь. И мы будем вместе.

Его сын лежал перед ним, укрытый белой простынёй. Он спал. Юрий хотел называть это именно так - всего лишь долгий сон, отдых. На самом деле это была кома.

Его мозг восстанавливался. Вернее, он уже восстановился, иначе бы сердце Альберта уже давно остановилось, или же он превратился бы в растение.

- Я буду говорить с тобой. Как всегда буду говорить с тобой, сынок. Знаешь, многое меняется, а я всё никак тебе рассказать об этом не могу. Ты уж прости меня, всё из головы вылетает, - он неловко усмехнулся собственной памяти, но быстро стал снова серьёзным. - Когда ты проснёшься, ты должен будешь знать всё, чтобы сразу начать жить. Тебе уже столько нужно наверстать! Да у тебя вся жизнь впереди!

Он замялся. На какой-то момент его одолели тяжёлые раздумья. Медицина говорит, что человек может выйти из комы, что мозг живёт и лечит сам себя, только это очень длительный процесс, и торопить его опасно. Только Юрий не об этом думал. Он подумал вдруг, что не доживёт до пробуждения сына, что не увидит его взгляда и не услышит его голоса.

Он корил себя за то, что раньше не думал о своём сыне так, как должно отцу. И вспомнил об этом почему-то только сейчас, когда он уже давно лежал в больнице. Но теперь он будет рассказывать ему о событиях в мире, о достижениях техники, в общем, обо всём, что ему может понадобиться в новой жизни.

Всем детям при рождении вживлялись био-имплантанты. Их функциональное назначение зависело от достатка конкретной семьи. Были наборы из увеличения физической силы, кровообращения, всевозможные дубликаторы желёз (в основном популярностью пользовались генераторы адреналина и эндорфина), и прочее. В сущности, имплантанты служили дешёвым заменителем генной инженерии, услуги которой могли позволить себе только очень состоятельные люди. Впрочем, не так давно на государственном уровне был начат проект по созданию людей. Человечество достигло уровня бога - они могли не только лишать жизни, но и создавать жизнь.

Юрий отказался от имплантантов себе и сыну - ему казалось, что это погубит человека, а не спасёт. И теперь он начал сомневаться в правильности выбора.

Альберт видел сны. Он видел их уже очень давно, хотя и не помнил ничего, что было до них. Он жил в этих снах, и только тут было возможно его существование, и нигде больше. Он видел себя одновременно со стороны, как в кино, но в то же время видел и глазами главного героя, принимал за него решения. Он ходил по незнакомому ему городу. Тут было всё так непонятно. Он видел этот город очень часто, но каждый раз находил в нём что-то новое и незнакомое.

Это был город призраков. Или он сам был призраком - всё зависит от того, с какой стороны

посмотреть. Он никогда не сомневался в существовании этого города, знал он также, что и те смутные человеческие очертания, которые ходят тут, - это живые люди. Иногда ему казалось это скучным, и он насылал на город стихию. Это был его мир, и он здесь правил бал. А может, он просто сам уже умер?

Нет, он просто видел сон.

Во сне он и повстречал её. Сначала он принимал её за одну из призраков, не больше. А потом вдруг встретил рядом с собой в его мире. Она была такая же, как он, только жила во всех мирах одновременно. Какое-то странное промежуточное положение. Она не нуждалась в телесной оболочке, и почему-то казалась беззащитной.

Вообще все люди хотят знать, чего творится у них под носом. Для этого они и хотят улететь на Луне, как на огромном корабле, подальше от Земли.

*** Исторические сведения. В 2035 году была реализована первая полностью автономная Лунная база. В её состав вошли:

- двенадцать наземных блоков, три из которых были обитаемы;
- три сборщика материала для обеспечения станции;
- система транспортировки Земля-Луна.

В 2056 начат проект по превращению Луны в космический аппарат с собственными двигателями. Ко времени завершения проекта запасы полезных ископаемых на Земле будут почти на нуле. Избранные члены общества улетят в на следующую планету, пригодную к обитанию.

*** Глава 06 ***

"Бильярдные шары"

07.04.2063

Над бильярдным столом возвышался угрюмого вида мужчина лет тридцати или чуть постарше, изучая расположение шаров.

- Надо бить. Смотри внимательно, это и тебя касается. Главное - правильно рассчитать силу. Тогда можно не очень точно прицеливаться. Сила всё сделает. Можно ударить сильно, можно слабо, а можно подумать и выбрать наиболее подходящий вариант. Даже если рука дрогнет, и ты чуть промахнёшься, это не будет играть роли.

Он занёс кий и прищурил левый глаз.

За всё время монолога на лице его не дрогнул ни единый мускул, как будто оно было сделано из воска. Только двигающиеся глаза подтверждали, что это был не робот - они были живыми. Они постоянно двигались, как будто жили отдельно от своего носителя, а он всё видел и без них.

- Это не просто игра, скажу я тебе. Это модель. И по этой модели можно судить о многом, ведь всё здесь так наглядно - как у гадалки на руках. Удар, и решена судьба миллионов. Но, с другой стороны, можно и промахнуться. А это плохо. Нужно стремиться к идеалу, но, как я уже говорил, правильный расчёт сил простит многие прегрешения... Ты ведь понимаешь, о чём я? Её надо сбить. - Он ударил по ближайшему шару, не глядя. Хотя, сложно было сказать, куда он смотрит вообще. - Силы уже заданы и уже приложены: шар катится в нужном направлении. Тронуть его нельзя - запрещено правилами игры. Их невозможно нарушить. Да игроки и не захотят их нарушать. Осталось только немного подождать, а потом наслаждаться результатом. Кто же захочет пропустить столь знаменательное событие? Ну, ты понимаешь, о чём я.

Она хотела сказать, что не понимает. Или понимает?

Шары на столе пришли в движение, хотя их никто не трогал. Они стали кататься кругами вокруг одного, который замер неподвижно в самом центре стола. А один шар - тот, по которому был нанесён удар - двигался по своей собственной траектории, огибая препятствия.

Мужчина молча повернулся к столу спиной. Теперь он уже не казался тридцатилетним, напротив, старел с каждой секундой. Волосы на его голове седели, но не редели, кожа лица покрывалась тоненькой сеткой морщин, сам он начал немного горбиться.

Перед ним из темноты возникла подставка под кии. Морщинистыми, но всё ещё твёрдыми руками он поставил в неё кий, и взял предложенное полотенце синего цвета.

- А теперь уходи, твоё пребывание здесь и так затянулось. Между прочим, по твоей просьбе, - сказал он всё тем же голосом, в котором теперь слышался неявный металлический шелест.

...

- А... - хотела было закричать она, но вовремя поняла, что проснулась.

Это был уже седьмой раз подряд, когда она видела этого человека, играющим в бильярд. Но только в этот раз он заговорил.

Ей не нравились эти сны, её пугал этот человек, которого она никогда не видела. Не совсем понимая причину своих страхов по отношению к нему, она впадала в депрессию, из которой, впрочем, выходила довольно быстро, и это не мешало ей вести нормальный образ жизни. Только каждый вечер она подолгу плакала, тихо плакала, лёжа в кровати. И чувствовала, как что-то у неё внутри меняется.

На пятый день, когда они всем классом были в музее Развития Человека, она стояла вместе со всеми, слушала лекцию, и вдруг ринулась вперёд, разбила головой стеклянное ограждение и получила контузию.

- Помогите, помогите, помогите, - только и могла шептать она, когда её уносили.

Раны были поверхностными, была только небольшая контузия, сопровождавшаяся бредом. Она бредила о каком-то ином мире, который "находится над нами, но там нет жизни, там хорошо, но там никто не живёт". Она повторяла это много раз с одной и той же интонацией, иногда закашливалась и что-то совсем невнятно бормотала. Впрочем, ближе к вечеру она уgomонилась и уснула у себя дома, а наутро уже не помнила о случившемся.

Итак, она проснулась на седьмой день сновидений о бильярде у себя дома в своей кровати, и долго смотрела в одну точку на стене у окна. Перед её глазами бежали странные видения, созданные из теней. Было ещё темно, но она видела свет и видела театр теней у себя перед глазами. Это было похоже на зарождение жизни - из непонятной массы образовывались комочки, которые двигались и размножались. Их становилось всё больше, и они становились всё крупнее и крупнее, приобретали форму животных и птиц. И вдруг всё это пропало.

Она тихо встала, застелила постель, оделась, так же тихо вышла в коридор. Родители уже сидели на кухне, завтракали чаем с булочками, соблюдая при этом относительную тишину, и только изредка о чём-то перешёптывались и смеялись.

Она дождалась, когда мать пошла её будить. Быстро шмыгнув в свою комнату так, что мать ничего не заподозрила, она спряталась за дверь. Через пару секунд дверь отворилась, мать вошла в комнату, и на её голову обрушилась килограммовая гантель. Мать упала без сознания, а дочь нанесла ещё два контрольных удара, тем самым проломив череп, и засунула труп под стол.

Отец, спокойно пьющий чай на кухне, получил два ножа: один в шею в область позвоночника, а второй чуть пониже - под лопатку. Дико хрипя и хватая воздух руками, он повалился на пол, забился в конвульсиях и вырубился навсегда. Дочь отодвинула его подальше и села пить чай.

Она открыла глаза и вскочила. Ей не хватало воздуха, всё вокруг душило её.

- Больно!!! - заплакала она.

Она валялась в собственной постели и дрожала. Тело не подчинялось ей, свет неистово моргал, да и все электрические приборы вокруг тоже будто сошли с ума. Телевизор включился сам собой, краски на нём поплыли, послышался хлопок, и он загорелся.

...

Она сидела на уроке в школе. Шёл четвёртый день. Была контрольная по математике. Задание было на доске, каждому выдавались индивидуальные значения переменных и некоторые специфические условия, которые превращали одну задачу во множество непохожих.

Перья тихо шуршали по поверхности экранов, дети вырисовывали формулы. Учителя обычно на время контрольных выходили из классов, за учениками присматривали датчики движения.

Облака в тот день бежали по небу особенно быстро. Их дождевая масса заслоняла собой солнце, отчего с утра всё ещё было темно как вечером. Недавно прошедший дождь стал причиной лёгких туманов.

- Ты хотела бы когда-нибудь вернуть всё назад и начать сначала? - раздался где-то сзади грустный шёпот.

- Да. Но только не сейчас. Я не хочу этого забыть.

Она подняла глаза, оторвавшись от монитора, - буквы поплыли от внезапно подступивших слёз. Вокруг было темно, но это было не от облаков. Просто мир вокруг неё вдруг погрузился в темноту, и только её одну освещал луч света откуда-то сверху. Даже её одноклассники стали другими - у них пропали лица. Какие они все одинаковые, если присмотреться.

- Они нас не слышат, - сказал голос сзади.

- Я знаю... Скажи, почему ты мне не доверяешь?

- Я не доверяю никому. Я полностью доверял всего одному человеку, которого больше нет.

- Но теперь есть я!

- Ты? Нет, тебя я не знаю. Но я помогу гусенице превратиться в бабочку. Нужно только подождать, - голос его стал металлическим.

- И всё же...

- Я расскажу тебе кое-что. Это, может быть, и не моя жизнь, но это было последней каплей. У меня была подруга, с которой мы никогда не общались, кроме как в сети. И был друг. Я их познакомил. Я ему доверял. Не во всём, но он знал больше, чем остальные, и продолжал узнавать. С подругой мы были только друзьями, ни о каких высших чувствах речи не шло. Мой друг знал об этом, но в какой-то момент он решил, что достоин её. И стал проявлять знаки внимания. Я частично был этому свидетелем, и был рад, что между ними что-то есть. Затем мы с подругой надолго расстались, я забыл о ней. А друг, по его словам - нет. Вскоре начались намёки, он стал мне присылать недвусмысленные фотографии, где они были вместе. Без комментариев, просто присылал. Говорил иногда о ней. А потом, наконец, собрался и сказал мне, чтобы я её не трогал, что она, мол, его. С тех пор мне сложно произносить слово "друг".

- И?

- Вопрос не в том, что он боролся за своё возможное счастье. Вопрос в том, что он воспользовался моим доверием, выдумал невесту, и подложил мне свинью. В тот момент он пытался драться с собственной тенью, но мне противно называть другом человека, для которого это не имеет значения.

- А ты ему об этом говорил?

- Кому? Он меня не интересуется, зачем тратить время на такое пустое занятие?

- Так...

Она закрыла глаза и стала слушать тишину.

- Не уходи...

- Всё, контрольная закончена, - услышала она голос учительницы.

Ученики весело собирались по домам, учебный день был окончен.

...

Наступило утро десятого апреля.

Она шла по улице. Просто гуляла; был прекрасный солнечный день: почему бы и нет? Редкие белые облака медленно ползли по небу и подмигивали ей. По-весеннему тёплый ветер - хотя такая погода могла случиться в любое время года - трепал её короткие тёмные волосы. Длинных она не носила в принципе - волосы у неё вились, а она не хотела носить на голове котелок завитушек.

- А вон то облачко ползёт в другую сторону! - пропищал ребёнок своему папе, который сидел рядом

на скамейке и читал журнал тридцатилетней давности. Раритет.

Она грустно взглянула на эту молодую семью и пошла дальше. Вскоре на её пути встретилась лужа. Она взглянула в неё.

- Ну, привет, - сказала она своему отражению.

- Привет, - ответило отражение.

- Многое тут изменилось?

- Сама скоро увидишь.

Она подняла глаза в небо, раскинула руки и закружилась сама с собой в вальсе. Какое приятное чувство полёта.

Её танец прервали крики. Непонятно откуда взявшиеся люди странного вида набросились на отца с ребёнком. Отец был убит сразу - ему размозжили голову трубой, а ребёнка они схватили и утащили с собой. Она видела это в мельчайших подробностях, хоть это и происходило от неё метрах в пятистах, а может и больше.

Их было трое. В народе зовут "людоедами". Совсем недавно подсели. Но долго и не нужно - пять раз по дозе, мозг деградирует необратимо. Год назад эту дурь придумали, необходимые ингредиенты проще всего получить из почек детей. Но заодно они пожирали жертву, сколько успевали. Надо было только скрыться от людских глаз, камеры не везде видят.

Сейчас они отбежали на километр от места похищения, тут их никто не увидит.

- Кххх... кххх... ммм... дай! - самый высокий из них вырвал у другого нож.

- Ребятки, а не хотите меня? - раздался сзади девичий голос.

- А...

- Спокойно. Меня зовут Настей. Я пришла к вам. Вот у вас есть ребёнок, невинное создание. А вы его сейчас опорочите и убьёте. Так нельзя.

Тот, у которого был нож в руке, метнул его в сторону Насти. Но не попал. Вернее, нож не долетел, резко остановившись около неё. Раздался грохот, стены вокруг задрожали, из них стремительно полезла проводка, металлические прутья и прочая нечисть. Словно чьи-то руки они схватили двух людоедов, проткнули их насквозь, размозжили им черепа и выбросили обезглавленные трупы на пол. Каким-то неуловимым движением Настя очутилась около малыша, с размаху шваркнула его об стену, после чего схватила оставшегося в живых людоеда, сломала ему руки и била его головой об асфальт до тех пор, пока его голова не превратилась в вязкую кашу из мозгов, крови и крошки костей. И ушла.

...

- Нет, это всё неправильно. Надо что-то предпринять.

...

На окраине города, подальше от производства, стоял родильный дом. Рядом уютно расположились пансионат, детский сад, парк и ещё пара десятков заведений, где люди проводили свой досуг. Тут было тихо и спокойно, росли деревья, и был большой пруд с рыбой. Его сделали специально, когда строили эту зону.

Был день, сразу после обеда. По небу плыли красивые белые кучерявые облака, светило тёплое солнце, в загонах мирно пасся домашний скот. Ничто не предвещало беды.

Внезапно в посёлке - это был именно посёлок - выключился свет. Управляющий детсада пошёл включить запасной генератор потому, что основной не сработал автоматически. Механики уже приступили к починке. Дел было немного - сломался автономный блок управления, его нужно было заменить. В очках ночного видения три человека принялись за ремонт, когда вдруг из генератора потекла прозрачная слизь. На глазах она превращалась во что-то с чёткими формами и углами. Буквально через секунду перед ними уже возвышалось трёхметровое чудовище. Оно было круглым, причём нижнюю его часть покрывали сотни мелких ножек, а сверху высунулась дюжина щупалец, на самой длинной из которых висел немигающий глаз размером с человеческую голову.

Вся эта отвратительная масса колыхалась и источала зловоние.

Не успели трое бедолаг сообразить, что происходит, как монстр обвил их своими щупальцами как удав и стал сжимать. Под его давлением кости захрустели, как вафли, изо рта людей полезла каша из крови и внутренних органов. Всё это сопровождалось булькающими звуками и чем-то вроде воя собак.

Сверху, метрах в двадцати отсюда, животные в загоне неистово метались и пытались пробить ограждение.

Чудовище в подвале свалило то, что осталось от людей, в кучу, открыло ненасытную пасть и проглотила их. Один из них всё ещё был жив. Его тело, переломанное в нескольких местах, разорванное и смятое, умерло, но он всё ещё мог видеть и думать. Только сказать уже ничего не мог. В прозрачном желудке монстра они стали перевариваться, кислота разъедала их. Их твёрдые тела быстро превращались в питательный суп. А чудовище от этого только росло.

Передвигаясь подобно многоножке и помогая себе мощными щупальцами, оно быстро вскарабкалось по лестнице наверх, где были дети. Они спали после обеда.

Управляющий в это время шёл к генератору. Ему показалось несколько странным, что посреди

белых облаков плывёт небольшая, но очень плотная чёрная туча. Но он решил, что это в городе разгоняют тучи.

В тот момент, когда он подошёл к генератору и завёл его, из тучи вылетела молния, которая взорвала генератор. Управляющего взрывом отбросило на десяток метров, а кислота из батарей довершила своё дело. С диким воплем он вскочил, несмотря на множественные переломы, и побежал прочь. Кислота разъедала ему тело, он уже ослеп и не видел, куда бежал. Куски кожи, слипшиеся с горячей одеждой, падали на землю, усеивая его путь.

Вдруг неведомая сила подняла его в воздух и швырнула в окно второго этажа родильного отделения. Там его размазало по полу, как кашу.

Чудовище носило детей своими щупальцами, кидало их себе под ноги, где сотни острых ножек перемалывали их в фарш.

Охранник ворвался на крик и тут же открыл огонь по чудовищу из пистолета. Напрасно. Пули проходили сквозь него, как сквозь желе, не причиняя ему вреда. Места, куда они попадали, схлопывались и затягивались мгновенно.

Тут он услышал хруст. Да, именно сначала услышал, и только через мгновение ощутил невероятную боль - ему оторвали руку по самое предплечье. Та же сила, что сделала это, развернула его к себе.

- Пуля - дура, - сказала девочка, стреляя ему в шею.

Он попятился назад, ударился о кровать и осел.

- Не считайте меня старомодной, но я люблю больше оружие с пулями. От него такой красивый звук!

Она прицелилась и прострелила бегущему ребёнку голову аккуратно промеж глаз. От столь мощного удара его развернуло и шваркнуло головой об пол.

В родильном отделении началась паника. Мамаши визжали, как резаные. Но, не успели они вскочить, как одна за одной из чёрной тучи на небе начали вылетать молнии. Дом затрясся под ударами стихии, загорелся. Второй этаж с оглушительным треском провалился, погребая под собой администрацию и прочий персонал. Стены не выдержали, и весь родильный дом сложился, как домик из карт.

На улицу высыпали люди - жители окрестных домов - но у них не было шансов. Обезумевшая толпа из выживших детей набросилась на них. В руках у них были куски стекла, арматуры, тяжёлые камни и прочий мусор. За ними, словно сборщик мусора, ехал желеобразный монстр, с каждой новой поглощённой жертвой становясь всё больше. Теперь он не просто смердел, от него исходило зловонье, от которого глаза вылезали из орбит. И он верещал что-то, такие высокие вибрирующие звуки, от них кровь шла из носа и лопались барабанные перепонки.

- Стоп! - крикнула девочка с короткими тёмными волосами, которые успели уже распрямиться до состояния соломы, и выпустила в бегущего человека последнюю пулю.

Тот дёрнулся на бегу, и упал лицом вперёд.

Ворота гаража открылись, и оттуда толпой высыпали штук десять машин. В них не было водителей. Словно управляемые кем-то, они стали методично догонять и давить тех, кто успевал отбежать от места действия. Некоторые из них взрывались от столкновений, и очень скоро весь посёлок был охвачен огнём.

Туча, которая до сих пор была всего одна на небе, стала стремительно расти, и из неё хлынул дождь.

- Пули кончаются. Нет, это оружие плохое. - Девочка с короткими волосами вытянула руку вперёд, и тут же к ней отовсюду потянулось расплавленное железо. Через пару секунд у неё в руке уже был огромный пистолет. - Вот, теперь это будет смотреться красиво. Не правда ли?

Она оглянулась вокруг. Те, к кому она обращалась, были мертвы. Пожар утихал, место его занимал сгущающийся пар. Часть домов рухнула от ударов машин; повсюду валялись человеческие трупы. Искорёженные, перемолотые, с выпущенными наружу внутренностями, а чаще всего просто мешанина, как в мясорубке.

- Я знала, что привлеку тебя, - сказала она, глядя в небо.

В ответ небо прогрохотало и разразилось молниями. Дождь стихал.

Через две минуты девочка с короткими волосами и огромным пистолетом, который с трудом мог держать взрослый мужчина, а она носила играючи, шла по запылённым улицам города. Все куда-то ехали, торопились и совершенно не обращали на неё внимания. Впрочем, она их тоже до поры не замечала. Просто шла по улице, потупив взор. А потом вдруг подняла пистолет и начала отстрел людей.

Никто не заметил, как она перезаряжала, ибо пули летели почти как из автомата. В первые же секунды было вынесено около полусотни людей, причём выстрелы были прицельно в голову с такой силой, что их просто напросто разрывало на части. Откуда-то на оставшихся в живых повалила лавина камней.

Девочка, до сих пор стоявшая на месте, ринулась глубже в город, увлекая за собой лавину и отстреливая всех, кого встречала у себя на пути.

В ста метрах впереди неё на высоте крыш возникла огромная огненная птица, которая летела

впереди неё и оглушала жителей своим пронзительным криком. Те, кто слышал её, мгновенно лишались слуха и падали в конвульсиях. Те, кто видел её, слепли. Впрочем, их жизни были сочтены, жить им оставалось жалкие секунды.

К тому времени девочка пересела в машину, и теперь лавировала между трупами и гнала вперёд. За её спиной из-под земли возникали металлические конструкции, издали похожие на человека. Они набрасывались на здания, и разрушали их у основания. В воздух поднималась промышленная пыль, летели осколки, куски человеческих тел.

Далеко впереди асфальт задрожал, треснул в нескольких местах, и из-под него наружу стал выползать огромный - высотой с 10-этажный дом - паук. Его нестабильное тело было построено из подручных материалов: водопроводные трубы, арматуры, камни, провода, домашняя утварь и человеческая плоть совместились в один живой тандем, который шёл вперёд, разрушая всё на своём пути. На его импровизированной голове пульсировал и увеличивался в размерах некий круглый орган, обтянутый человеческой кожей, сшитой проводами. К этому мешку, как пыль в пылесос, стягивались человеческие останки - куски плоти, кости, кровь летела по воздуху.

Девочка в машине, доселе дико хохотавшая, вдруг стала серьёзной, и, выполнив нехилый разворот, на полной скорости ушла налево, оставив своих подопечных самих выполнять работу.

...

- Если убивать по одному человеку в секунду, то для того, чтобы убить всё человечество, понадобится 190 лет. Неприемлемо.

...

За 4 минуты до того.

- Марш!

Он был единственным из них, кто мог ещё говорить внятно и как-то координировать свои движения. В целом людоеды быстро теряли эти навыки, а подчас вообще переставали воспринимать окружающую реальность и тупо жрали то, что находили. Но это было редко, до такой степени почти никто не доходил, а те, кто доходили, быстро отбрасывали копыта.

Непонятно как было организовано это сообщество, как они смогли набрать в свои ряды столько зависимых, и даже управлять ими.

Безумная толпа зависимых высадилась из двух автобусов около посольства США. Их было около 60 человек, хотя точно посчитать их было проблематично - они были постоянно в движении, на собственные имена почти не реагировали.

- Марш! - ещё раз заорал предводитель, щёлкнув в воздухе хлыстом.

Бронированная толпа ринулась на заграждения, прорывая их собственным весом. Охрана посольства даже не успела среагировать, как была смята и раздавлена неистовыми людоедами, некоторые из коих не преминули случаем отобедать.

Система безопасности вскоре отреагировала, начав выпускать в толпу иглы с электрическими батареями на борту. Их задача сводилась к тому, что при попадании они застревали в теле жертвы и били её током. Однако, на одетых в толстую броню безумцев иглы не производили никакого эффекта, так как не могли дорваться до тела. Парочка нападавших всё же была снесена - им попали в область шеи. Они упали в судорогах, но, впрочем, потери были невелики.

Откуда-то из середины толпы выскочил воин, в руках которого был гранатомёт.

Мощный удар потряс стены посольства, и мгновенно через пролом в стене в здание ворвался отряд. Турели под потолком открыли огонь, в то время как все двери стали автоматически закрываться. Но, огонь был напрасен - сквозь крупную пыль и пороховой дым от взрыва стены никто не видел происходящего, поэтому огонь вёлся наугад.

Послышались предсмертные человеческие крики - воины наткнулись на парочку чиновников и некоторое количество технического персонала. В заложники никого не брали, всё живое съедалось на месте. В особом почёте было выдавливание глаз ещё живой жертве и перекусывание сонной артерии, однако подобное удавалось редко.

На улице те, кто ещё не успел войти, строили человеческую лестницу к окнам второго этажа. Из-за взрыва у них вынесло стёкла, сделав проход беспрепятственным. Очень скоро на втором этаже началась стрельба, а потом прогремел ещё один взрыв, и пол второго этажа провалился вниз, увлекая за собой останки воинов-людоедов и мирных обитателей посольства.

На первом этаже началась перестрелка, турели были выведены из строя. Через несколько секунд в пролом в стене вкатили лучевую пушку, которой стали разрезать запертые в боевом порядке двери.

С крыши посольства взлетел вертолёт.

- Стой! Назад! - заорал предводитель людоедов, целясь в него из винтовки.

На фоне грохота, металлического лязга и предсмертных криков послышался хлопок, и вертолёт, накрываясь набок, загорелся и стал падать на крышу здания рядом. Вскоре он упал и взорвался, разбрызгивая вокруг себя вязкое липкое топливо.

К тому времени лучевая пушка закончила свою работу; двери были открыты, и толпа воинов ринулась наверх.

К зданию подъехала милицейская машина, которая была тут же подорвана точным выстрелом из бронебойной винтовки. Предводитель достал из баула рядом какое-то непонятного вида оружие, и зарядил в него штук десять баллончиков. Перед глазами у него стоял туман от взрывов, от разрушающегося здания. Краем уха он услышал визг покрышек по асфальту и рёв мотора. Прицелившись в ещё далеко идущую машину, он нажал на курок; из дула оружия вылетел пучок чего-то искрящегося размером с перепелиное яйцо и устремился в сторону машины. Раздался взрыв, машина взлетела на воздух, перевернулась пару раз через капот и упала на крышу.

Предводитель бросил мимолётный взгляд на несчастную машину, и увидел галлюцинацию: из смятой машины прямо из огня выходила девочка с огромным пистолетом в руках. Казалось, что огонь ей совершенно не вредит, скорее даже обходит её стороной. В следующую секунду она стояла в нескольких сантиметрах от него, смотрела в лицо с какой-то обречённостью в глазах. Он даже не успел рта раскрыть, как был разорван на две половинки, а голова его, обгоняя звук, полетела в громыхающее здание.

Девочка на лету пнула одну из половинок ещё трепыхающегося тела и направила пистолет в сторону здания. Раздались громкие выстрелы, и хотя этого не было видно сквозь стоящую столбом пыль, воины-людоеды безжизненно падали с разорванными головами. Всего через пять секунд в воздухе повисла угрожающая тишина, перемежаемая изредка падающими осколками да звуками капающей крови.

А в это время огненная птица плевалась липучей смесью на всё живое, а механический паук крушил всё на своём пути. Мешок из человеческой кожи на его голове, доселе росший с невероятной скоростью, наконец, прорвался, явив миру несколько десятков пауков, каждый из которых был размером с небольшого человека. Они прыгали на землю и побежали вперёд своего родителя, отлавливая незадачливых граждан и потребляя их в пищу.

Позади шла огромная волна из мусора и вырванного с корнем дорожного полотна. Земля вокруг пошла трещинами, город сотряснулся и рушился на глазах, как при сильном землетрясении. Поднялся сильнейший ветер, который поднимал в воздух предметы легче полусотни килограмм, уносил их на полкилометра и там ронял с высоты птичьего полёта.

Где-то впереди взорвался газопровод, и теперь из-под земли в нескольких местах били фонтаны огня. С небес совершенно неожиданно обрушилась стена воды, превращая весь мусор, человеческую кровь и останки в один грязный липкий суп.

Дорогу нашествию попытались преградить поднятые по тревоге самолёты и танки-гибриды на воздушной подушке. Подушкой они пользовались при подлёте к месту сражения, а потом опускались на гусеницы и ползли по старинке. Однако, их оружие не причиняло монстрам никакого вреда - гигантский паук мгновенно восстанавливался из мусора, если у него что-нибудь отваливалось. Впрочем, военные не успели сделать даже двух залпов, так как танки были снесены и раздавлены, а самолёты сбиты.

До черты города оставался жалкий километр, который был пройден за десяток секунд. Чуть только граница города была достигнута, волна остановилась и распалась на ручьи, огненная птица растворилась в воздухе, а всё остальное превратилось в непонятное крошево и с шумом стало падать на землю.

Над городом прокатилась мощная ударная волна, как от взрыва. Как будто следуя за ней, прекратился дождь. Всё стало тихо, только по земле журчали ручьи. Через город проходила широкая линия, делящая его на две равные части. Город А по форме напоминал овал, и почти достиг своих предельных размеров, расширяться дальше ему мешал ландшафт, ибо он находился в низине, а породы вокруг были очень прочными и сложными для обработки.

Из разреза, которым город А был разделён надвое по длине, пошли крупные трещины. Земля затряслась, возвещая, что ещё не всё закончилось, солнце пожухло и спряталось за тучами, из которых повалил крупный град. Из нетронутых доселе районах города послышались крики и шум от рушившихся невысоких построек. В первую очередь страдали стеклянные витрины. Очень быстро град, по-видимому, выполнив свою задачу, стал сменяться обильным дождём, лившим как из ведра. Вода падала на землю стеной, так что невозможно было разглядеть что-нибудь дальше десяти метров.

Земля затряслась ещё больше, некоторые здания пошли трещинами, в то время как наиболее хрупкие из них стали разрушаться и падать на глаза. На востоке, где расположились высокие горы, засверкали молнии, и раскаты грома от них даже смогли заслонить рокот трясающейся земли. Из быстро размываемой почвы стали восстанавливаться каменные големы. Огромные существа метров семь в высоту каждый, собранные из крупных камней и кусков разрушенных зданий - в чём-то они походили на человека, но всё же были не им. У них не было голов, даже чего-то отдалённо похожего на них, но у них были ноги, которыми они топтали по непривычному к таким нагрузкам дорожному полотну, и были руки, которыми они швырялись всем, что было под ногами в здания и выскакивавших оттуда людей. Всё это сопровождалось ливнем, грохотом земли и то и дело сверкавшими молниями.

Молнии, наконец, добились своего - под дикий грохот они прицельными залпами разрушили каменную гору, и с неё, сопровождаемые потоками воды, прямо на город понеслись сотни крупных

камней.

Девятилетний Кристофер сидел в своей комнате, заткнув уши и спрятавшись под стол. Но даже сквозь шум дождя и толстые звуконепропускаемые стёкла он слышал вой каменных големов - звук, чем-то смахивающий на вой волка и на смех гиены, только в этом звуке не было ничего живого, присутствовал какой-то неуловимый привкус искусственности, который делал его во сто крат страшнее. Он слышал ещё звуки, вернее, не слышал, а ощущал всеми фибрами того, что называется душой, - то были предсмертные крики людей, когда их расплющивало упавшим камнем или прокручивало словно через мясорубку, когда их хватал голем руками. Он не мог их слышать, ибо всё происходящее было ещё относительно далеко от него, но он знал, что там происходит что-то страшное, и знал, что не сможет от этого уйти. Впервые в жизни он ощутил себя беспомощным настолько, что даже всемогущие родители не могли помочь ему. Даже эти стены, и то, что он закрыл уши руками, не спасало его.

Внезапно все звуки прекратились, и сквозь плотно сомкнутые веки он увидел какое-то движение. Он открыл глаза - ничего. Но он и не ожидал увидеть что-то прямо перед собой, какая-то сила неумолимо тянула его выглянуть в окно. И он подчинился ей, хотя не мог понять какого рода эта сила - добрая или злая. Маленький дьяволёнок внутри него подсказал, что бояться уже больше нечего.

За окном в воздухе очень близко от окна парила девочка в белом. Вокруг неё было странное голубоватое свечение, а над головой было нечто, напоминавшее нимб. Она смотрела на него полными грустью глазами, настолько выразительными, что он сам чуть не расплакался от нахлынувших чувств. Дождь как будто огибал её, на неё не попало ни капли, к тому же он вдруг заметил, что она не парит в воздухе, а стоит на нём, как на твёрдом материале.

- Ты ангел? - спросил он кротко, испугавшись собственной смелости.

В ответ девочка в белом покачала головой. Кристофер хотел задать ей ещё вопросы, но испугался, что его голос разрушит спасительную тишину. К тому же ему вдруг стало безразлично всё происходящее, и вопросы растворились сами собой - он сам дал на них ответ. Девочка в окне опустила голову и закрыла глаза. Он тоже закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами он продолжал всё видеть, только теперь он был как бы вне происходящего, став наблюдателем. Он видел самого себя, стоящим в окне здания. Видел, как снизу под дождём к зданию подошёл голем и нанёс ему несколько ударов. Видел, как оно затряслось и стало падать. А потом темнота.

Город А был почти полностью разрушен каменными големами - здания одно за другим падали и рассыпались на куски. Катящиеся с горы камни довершали их работу. Подмываемая водяными потоками земля тряслась пуще прежнего, подземные потоки размывали огромную полость, и теперь весь город заживо уходил под землю.

...

Вдалеке, там, где кончалось поле, тихо шуршал высокий густой лес. Колосья колыхались в такт ветру и создавали своеобразную волну; птицы кружились над головой. Никто не мешал больше, никого не осталось, кто мог бы помешать.

Метрах в десяти от неё стоял высокий худой мужчина спиной к ней. Неспешно она подошла к нему и коснулась его плеча.

- Меня зовут Настя.

- А меня... Это уже не важно.

- Я буду звать тебя Артуром. Мне всегда нравилось это имя.

- Я ждал тебя тут всё это время.

- Я вернулась.

Они взялись за руки и взмыли вверх, далеко-далеко вверх, туда, где не летают птицы и даже облака. Там почти нету воздуха и притяжения, а чуть повыше летают спутники и космический мусор. Они застыли там в тишине, где никто не мог их увидеть. Земля стала быстро приближаться, этот маленький комок твёрдых пород всё рос. Они летели над морями, где плескались почти полностью истреблённые дельфины и злобно картавили поморники. Они летели над островами-заповедниками, видели их уникальные леса и редких животных, которые почти никогда не видели человека.

Они остановились над безжизненной пустыней. Тут, где человек не может жить, они и остались.

...

К Юрию Коновалову пришли печальные известия. Его попросили приехать на опознание тела. В больнице случился пожар, вся электроника отрубилась, и, к сожалению - так они выражались - погибло несколько пациентов, которые "из-за особенности болезни" не могли самостоятельно двигаться.

Он опознал своего сына Альберта, хоть это и стоило ему нескольких седых волос. Его сын был мёртв... Может, оно и к лучшему.

*** Глава 07 ***

"Последний сон."

- Я погружаюсь в сон... или уже погрузилась?... неважно.

Я уснула, и видела себя со стороны. В своём сне я оглохла... или мир вокруг стал бесшумным. Пропали все звуки - пение птиц, журчание воды, этот постоянный гул, присущий всем городам. Наступила полная тишина. И стало темно. Я не видела себя, не слышала звуков; будь я в обычном мире, я бы подумала, что меня нет. Но я помнила себя, знала, что я есть.

Я и сейчас стою вон там на облаке. У меня тёмные волосы и глаза, которые меняют цвет в зависимости от настроения. Облако такое мягкое, что на него можно лечь, укрыться и уснуть, как в уютной постели. Будет тепло и хорошо. А вокруг меня пустота, какой никогда не было. Нет ничего, даже звуки не могут уйти. И света нет.

- Имя! - ко мне подошло оно. - Имя!

Я не знала, что ему ответить, если это вообще был он.

- Нету...

- Временное имя!

- Стелла.

Оно ушло. Ушло навсегда и больше не возвращалось. Зато его место заняло нечто, что было прообразом царившей вокруг пустоты. Оно превосходило всё сущее на Земле так же, как человек превосходит амёбу, плавающую в воде, и даже больше. Он был здесь, но пустоту ничто не нарушало, она так и осталась пустотой.

- Ты любишь смотреть на облака?

- Да.

- Скажи мне, кого ты хочешь там увидеть?

Наш разговор шёл вне человеческих чувств. Ни я ни собеседник не шевелили губами, не открывали глаз и не думали над словами. Это было что-то необъяснимое, как будто я смотрела на своё прошлое, очень далёкое прошлое, и вспоминала, что тогда происходило.

Это происходит не со мной.

- Я хочу увидеть динозавров. И корабли.

- А дождь? Ты ведь любишь дождь?

- Да... я люблю дождь.

- Что тебе в нём нравится?

- Его звуки, его сила... я не знаю.

Он выдержал паузу, давая время на раздумья.

- А чего ты хочешь от этой жизни?

- Я хочу... я хочу... я хочу... не хочу жить по кругу. Каждый человек рождается, растёт, идёт в школу, в институт, работает, встречает старость и умирает.

- И ты хотела бы нарушить этот круг? Каким образом? Я могу убрать смерть или рождение по твоему выбору, всё остальное зависит от тебя. Но, только убрав смерть или рождение, я заберу жизни у тех, кто может воспрепятствовать этому. На это ты согласна?

- Нет!

- Подумай, я не тороплю.

Он ушёл. Вновь ничего не возвестило об его уходе - пустота оставалась пустотой, а моё сознание витало где-то вдалеке, спрятавшись от рутины.

Мой выбор? А есть ли он? В какой мере моя жизнь зависит от меня? Смогу ли я быть вечно, если вокруг все будут сменять друг друга - поколение за поколением, восход за закатом, жизнь за смертью.

- Это неправда, - прошептала старушка в сиреневом платке. - Этого ничего не было.

- Что? - спросила я.

- То, чего ты не помнишь, никогда не было.

- Но, я не помню себя!

- Помнишь, только память иногда очень зло шутит.

Я стояла в незнакомой мне деревне, которую я, тем не менее, отчётливо помнила. Здесь выросли многие поколения людей, иногда я даже слышала их приглушённый смех внутри бревенчатых домиков. Им было весело, а мне нет. Почему-то я вдруг поняла, что не помню себя, своих родителей, свою семью, своих друзей. Я вообще не помню ничего из того, что было со мной, как будто ничего этого не было, да и меня тоже не было.

Старуха рядом со мной поднялась, помогая себе тростью, и открыла широко рот, задрвав голову вверх. Её старческое тело захрустело по швам, как рвущийся костюм. Из правого её глаза в небо устремился огромный плющ, растущий с невероятной скоростью. Пара секунд, и он уже цеплял

облака за их курчавые хохлы. На землю безжизненно упала ссохшаяся человеческая оболочка.

Плющ дёргал облака, а они гневались и недовольно урчали. В конце концов где-то вдалеке мигнула молния, послышались раскаты грома, небо заволокло тучами и полил дождь.

- Стоп!!! - закричала я. - Это неправильно! Так не должно быть! Этого ничего нет!

Когда я открыла глаза, вокруг снова была пустота. Я больше не вспоминала о деревне, о дожде, о той радуге, которую я так и не увидела. Этого ничего больше не существовало.

- Я хотел сделать тебе приятно.

- Но этого... ничего нет. Я...

- Почему нет? Кто это сказал?

- Этого нет. Это я говорю. Этого мало?

Он не ответил. Я не знаю, был ли он здесь вообще, или мне это просто казалось. Вокруг было так тихо, так спокойно... Некоторые могли бы назвать это место раем.

Он не отвечал. Вместо этого вскоре я стала различать где-то вдалеке слабый намёк на свет. Он был таким слабым, еле мерцал, вот-вот погаснет. Но он хотел жить. И чем дольше я смотрела, тем больше и ярче становился этот огонёк. Я вижу, он не один - это звезда, вокруг которой вращаются планеты. Самая красивая из них это вон та, серо-голубая с белыми прожилками.

- Так чего же ты хочешь от жизни?

- Жить, может быть.

Я вглядывалась в неё, искала признаки жизни, но не находила. Планета была пустой, и большую её часть занимали белые пустыни. Никто не двигался на ней, лишь только ветер колыхал верхушки деревьев, да вода текла по рекам.

- Красиво?

Я не знала что ответить.

- Ты помнишь?

На планете стала появляться жизнь. Что-то маленькое, совсем неувидимое для глаз зародилось там. Потом эта маленькая, но всё же жизнь, размножилась, и стала расти. Очень быстро её стало так много, что она вылезла из воды на сушу. У неё выросли ноги, крылья, лапы, она стала видеть и слышать. Некоторые научились говорить. А потом там появилась ещё одна форма жизни - непохожая на другие. Сначала она была мала по своей численности, но росла так быстро, пока не заполнила собой весь планетарный шарик. А потом всё пропало, и планета вновь стала пустынной.

- Да, я помню, - я чуть не плакала.

- Они все не вышли из круга. Это базисная спираль. Они снова там появятся, и снова их не станет. И так будет всегда. Ты хочешь разорвать этот круг?

- Да.

Планета пропала, и снова всё вокруг покрылось пустотой. Почему-то мне показалось, что я понимаю и одновременно не понимаю смысла происходящего. Вокруг меня была абсолютная пустота, и это мне было понятно - это было вполне нормально, как будто так и было всегда. Но я отчётливо ощущала, что если подумаю, если только начну думать о том, что это такое - пустота, то мгновенно сойду с ума, и произойдёт что-то ужасное.

Интересно, а он может знать, о чём я думаю? Ты...

- Ты верующая?

- Частично. Скорее всего, моя вера - это дань традициям нашей семьи.

- В кого ты веришь?

- В силу, за которую можно спрятаться.

- Эта сила - ты сама. Два человека на Земле это уже поняли, и когда-нибудь из-за чьей-то прихоти погибнет всё человечество. Погибнет от того, что кто-то поймёт своё величие. А того, в кого ты веришь, нет. И никогда не было.

Я увидела ребёнка. Маленького, недавно рождённого, только что открывшего глазки. Такой хороший - маленькая, ещё не опошленная жизнь. Он видел меня. Над ним склонились люди, их было много, они все были серыми и угрюмыми, смотрели на него, закрыли его своей массой полностью, щебетали над ним. А он видел только меня, заглядывая сквозь них. Смотрел, как на чудо. И хотел что-то сказать мне на своём языке, слабо протягивал пухленькие ручки и сжимал кулачки.

А потом он улыбнулся. Слабо так улыбнулся, как умел. И заснул счастливый.

Откуда-то подул ветер и стал трепать его за редкие волоски на голове. А он спал и не обращал внимания на это. Это шла взрывная волна, - я не слышала этого, и не видела, просто знала. Всех серых людей вокруг него снесло и размалевало по стенке. Из их серых тел текла такая же серая и никчёмная кровь. И только ребёночек тихо спал в своей кровати, не подозревая, что он остался один. А потом и его не стало.

Я что-то кричала в пустоту, но не слышала сама себя.

- Зачем ты меня мучаешь так долго?

- Я здесь по твоему зову, и лишь разговариваю с тобой. Всё остальное ты делаешь сама.

- ...

- Теперь ты понимаешь, что только ты отвечаешь за то, какой будет твоя жизнь?

Почему-то мне показалось, что это слова прощания. Прощания с самой собой.

*** Глава 08 ***

"Кто-то закричал"

11.12.2065

В тёмной доселе помещении наконец-то был включён свет. Он был тусклым - им казалось, что это придаёт собранию дополнительный вес - но его было вполне достаточно для освещения всех, кто здесь был. Уже минут десять они все сидели молча, ожидая прихода гостей. За это время зал пополнился несколькими тёмными личностями. Это было нормально, учитывая, что никто из них никому не доверял, и прятал лицо под маской.

Место, где они находились, раньше было христианской церковью. Но, около тридцати лет назад в результате землетрясения церковь ушла под землю. Долгое время не без веских оснований считалось, что она разрушилась при землетрясении. Однако, пять лет назад она была найдена энтузиастами, и укреплена подручными средствами. В сносном состоянии сохранился только основной зал, да и тот был на грани разрушения, когда его нашли. Высокий сводчатый потолок теперь подпирали мощные металлические распорки. На нём всё ещё сохранились рисунки религиозного содержания, хотя часть из них всё же отвалилась при погружении под землю. Их никто до сих пор не удосужился посмотреть - лампы не доставали до потолка, да и к тому же основной задачей было этот потолок удержать, а не любоваться им.

- Начнём, - человек в лыжной маске выступил вперёд и слегка прикрутил центральную лампу. Теперь все могли видеть только его силуэт.

Под маской скрывался юноша двадцати лет с короткой стрижкой. Имя своё он отверг три года тому назад, ибо веровал в то, что всё сущее на Земле - это часть одного большого разума, поэтому глупо было бы нарекать часть разума именем собственным. В миру он отзывался на своё имя, но ненавидел его всей душой. Здесь, под землёй, его не звали по имени, так как его никто не знал. Его звали по наименованию той деятельности, которой он сейчас занимался, и этого вполне хватало.

Как истинный сумасшедший гений, он имел острый ум и натренированное тело. Многие завидовали его выносливости и работоспособности, забывая о тех многочисленных срывах и резких сменах настроения, которые случались у него всё чаще и чаще. Он мог всего секунду назад сидеть за столом и вдумчиво читать книгу, и в следующее мгновение уже носиться по помещению, выкрикивая ругательства и круша всё на своём пути. Жертв пока не было. То, что его поступки не всегда согласовывались с тем, что он говорил, ему прощалось.

- Нас с каждым разом всё больше и больше, - начал он довольно громко, - это радует. Я хотел бы ска... К новостям. Нет, не надо. Ладно. Задача прежняя - всячески портить жизнь людям. Да, пускай мучаются. - Тут он прикрыл рот рукой и противно захихикал, закатив глаза. - Кхм... Хы... Они же нас тоже достали. Какого хрена мы не можем улететь с этой планеты? Меня достало тут жить! Мы должны показать им, мать их так! Марш назначен на послезавтра, сбор на площади. Впрочем, вы и так всё знаете. Замочим!!!

Он поднял вверх кулак и заревел что-то непонятное. Но личности вокруг были так воодушевлены, что вторили ему изо всех сил. Они стали топтать ногами и хлопать в ладоши, стараясь произвести побольше шума, поддержать своего лидера. В этом гвалте никто не обратил внимания, как стоящий у стены рослый человек в плаще с капюшоном дёрнулся и осел на пол. Раздался очень тихий хлопок, и он сдулся, как сдувается воздушный шарик.

Из-за отсутствия нормального освещения по стенам гуляли странного вида тени, изредка напоминая гротескных существ из старых сказок про драконов и горгулий, только в миниатюре.

Невероятным образом вклиниваясь в оглушительный ор и грохот, где-то под сводчатым потолком раздался крик, похожий на крик орла. Он был настолько непривычен для слуха находившихся здесь людей, что они все враз замолчали. Однако крик был очень недолгим, и успел кончиться раньше, чем все решили замолчать. Но, на этом ничего не закончилось. Каждый, кто выжил тогда, мог дать голову на отсечение, что слышал смех гиены. Смех шёл не сверху и не снизу, источник звука был неопределим - он исходил, казалось, отовсюду сразу, или даже звучал в голове у каждого. Быть может, это происходило из-за архитектурных особенностей церкви, но в любом случае этот смех посеял в каждом жуткий страх. Никто не смел пошевелиться, но в полной тишине и почти при отсутствии освещения по стенам продолжали плясать неведомые тени. Они как будто жили отдельно от света, не обращая внимания на его положение. Сверху градом посыпались камни, вынутые из потолка. Они летели прицельно, как будто направляемые чье-то дланью. Первый же упавший камень размозил голову человеку, который стоял около предводителя. Это посеяло в рядах панику; люди стали носиться, совсем не обдумывая своих движений - побыстрее бы убежать.

Время в тот момент изменило свою скорость, как будто замедлилось. Камни, сохраняя огромную убойную силу, падали медленно, неспешно. Как потом перешёптывались оставшиеся в живых, страшным было не ощущение возможной скорой смерти, а то, что вокруг царил непролазная

тишина. Никто не обмолвился ни словом, хотя все бегали с открытыми ртами. Даже умирали молча, падая на пол. Единственное, в чём никому потом не хотели признаваться выжившие - это галлюцинации. Перед тем, как, наконец, выбежать из проклятого места, они видели, что творилось на стенах. На какое-то мгновение окружающий мир освещался мощным светом, и они видели, как по стенам и потолку ползают мерзкие создания размером с собаку. И не просто ползали, не было места, где их бы не было, они перебирались друг через друга, как будто законы гравитации на них не действовали, давили тех, кто попадался под ноги. При этом трупы существ так и оставались на стенах и потолке, на глазах превращаясь в сероватое месиво, которое тут же покрывалось белёсыми червями-трупоедами.

Из более чем пятидесяти человек в ту ночь выбралось из того укрытия немногим более двадцати, в их числе был и предводитель. Как ни странно, никто из них не пострадал физически.

Как умалишённые они неслись по канализации, не оборачиваясь. В темноте - фонари они не прихватили - они не знали, куда бегут, от страха не слышали звуков собственных шагов. Отсюда до города было километра два, но им казалось, что они плутают уже целую вечность. Когда двое сталкивались, то в панике разбегались в разные стороны. В конечном итоге, пробежав так в среднем по сорок минут, они находили выход и добирались домой.

Церковь была разрушена в ту ночь. Стальные распорки были кем-то выбиты, а стены, казалось, сдавлены снаружи. Вся конструкция развалилась, а на её месте сверху образовался провал. Канализационные подходы также завалило.

...

Настя с угрюмым лицом шла по городу.

- Вы знаете, это скучно - никто мне не может оказать сопротивления, - обратилась она к прохожему - старику лет 80-ти.

Старик, несмотря на свой возраст, был крепок и шустр; его прищуренные глазки всё время бегали, не задерживаясь подолгу на одном месте. Даже сейчас, когда он вперился в неё взглядом, отчаянно размышляя, поймать его глаза было довольно трудно. Он смотрел на неё, будто оценивая. Наконец, додумав какую-то большую мысль, от ответил.

- Значит, тебе повезло. - Он неискренне улыбнулся. - Всегда есть кто-то сильнее тебя.

Настя взглянула в его глаза. Он и сам не понял, как она уловила этот момент, и с чего это вдруг он не отвёл их в сторону, как делал всегда. На мгновение ему показалось, что Солнце светит не так ярко, что эта девушка с необычайно белыми волосами заслонила собой светило. Но, что-то его кольнуло чуть повыше виска, и он смог отвести глаза.

- Она есть, - шёпотом сказала девушка.

- Кто? - не понял старик.

- Та, кто сильнее меня. Она была здесь.

Старик занервничал. Он понял, что говорит с сумасшедшей. Но решил не давать ей причин для злобы.

- Кто же она?

- Бог.

- Этого не может быть, - старик улыбнулся своей наиболее выразительной улыбкой, - бог - это мужчина. И он...

- Чушь! - Тихо, но голосом, запрещающим возражения, сказала Настя. - Это она. Она была здесь. Я говорила с ней, и послала её. Она - сильнее меня. Она - создатель миров. Но, она не будет драться со мной, и это угнетает. Единственный вариант отпадает.

- Почему она не хочет драться?

- А почему ей надо это делать? Она победит, это даже не обсуждается.

- А вы знаете, она права, - поддержал её низкий голос.

Голос принадлежал высокому человеку в широкополой шляпе, тень от которой скрывала его лицо. Непонятно сколько он уже слушал их.

- Стелла была здесь. Она бывает здесь часто - наблюдает за нами. Но не вмешивается.

- Хочешь, и я покажу тебе свою силу? - Вызывающе спросила Настя, обращаясь к старику.

Он не отвечал. Вместо ответа он застыл, как истукан, не моргая и не дыша. Он стоял так очень долго; вокруг уже никого не было, а он всё стоял и смотрел куда-то вдаль. А потом он оттаял и пошёл домой. Вышел из спячки, как лягушка после сильных заморозков и оттепели за ними.

После этого случая он стал беспокойным: не мог подолгу заниматься одним делом, нарушился сон. Ему постоянно казалось, что его преследуют, смотрят на него из-за углов, ждут, когда он ошибётся. И он боялся. На начинающуюся манию преследования он списал и потерю памяти. Всё, что происходило с ним до той памятной встречи, он забыл напрочь.

Но однажды ему приснился сон. Он ехал на старом Фольксвагене без дверей через могучий лес, по бокам нечёткой дороги росли высокие ели и сосны. Под ними был толстый ковёр из жёлтых высохших иголок, изломанные ветки и паутина. Повсюду царил мрак, хотя иногда он видел, как сквозь хвою пробивались яркие лучики света. Значит, там сверху светит Солнце. Постепенно картина менялась. Вместо деревьев высились дома, улицы с мощёными дорогами, столбы, посадочные

площадки, машины для уборки улиц. Он остановился. Это был его дом, здесь он жил когда-то. Старый Фольксваген пропал, но это было в порядке вещей. Вот лестница на второй этаж.

Сон коварен, во сне все желания исполняются раньше, чем о них успеваешь подумать. А желания бывают плохие и хорошие. Во сне можно даже умереть.

Он взошёл по лестнице наверх. Всё было как в тумане - вещи имели лишь смутные очертания. Справа от лестницы стояла большая ваза, дальше за ней панель видео-окна. Потом шёл длинный коридор в виде буквы Т, правый конец которого выводил к лестнице на мансарду.

Он зашёл в комнату слева. Здесь должна была жить его дочь. С тех пор, как он уехал жить к себе в собственную квартиру, минуло больше двадцати лет, и о том, кто где жил, он знал только из рассказов. Да, всё было так непохоже, непривычно - поменялась обстановка. Он не видел деталей, но знал, чувствовал, какие они. Больше нет висячих люстр, вместо них светильники вмонтированы сразу в потолок, являясь теперь его частью.

В комнате сидела его дочь. Почти такая же, какая была в детстве - какой он её запомнил. Маленькая девочка с кудрявыми волосами. Настольная лампа отбрасывала причудливые тени, в которых он рассмотрел очертания стоящей женщины. А его дочь сидела, словно неживая, не шевелилась. В нём пробудилась ярость: он не мог вспомнить, как растил её. Он помнил только её лицо, очертания, как будто смотрел на старую фотографию, но всё остальное пропало. Он не помнил себя с ней, не помнил её голоса, как она улыбалась (а улыбалась ли?). В руке его оказался нож. Стиснув зубы, он размахнулся и всадил нож в её шею по самую рукоять.

Раздался дикий женский крик, похожий на шум водопада, краски поплыли с окружающего мира. Его дочь - всё та же девочка с кудряшками - воздела руки к небу, запрокинула голову, изо рта у неё полилась кровь. Жуткая гримаса ужаса возникла на её лице. Вместе с расплывающимися красками, её лицо на несколько мгновений приняло вид какого-то животного, мерзкого по своей сути, с клыками и горящими глазами, но потом видение пропало. И старик увидел, что стоит посреди комнаты своей дочери, руки его в крови, а на полу бьётся в предсмертных муках его дочь - постаревшая на те самые двадцать с лишним лет. Она задела ногой тумбочку, и настольная лампа - единственный источник света в комнате - разбилась.

В темноте он не видел ничего, а слух его поразили крики умирающей женщины. Но, какое-то свечение, очень слабое, исходило от стен. Он видел, как по стене движется бестелесная тень женщины. Подойдя к нему на расстояние метра, тень остановилась, и открыла глаза. Два белых кружка с чёрными точками зрачков смотрели на него и смеялись. Он поднял руку, желая отмахнуться от них. И тогда они расправили крылья, и улетели.

Ноги более не повиновались ему. Как умалишённый, он ринулся вон из комнаты, но не удержал равновесия, и полетел вниз по лестнице. Неведомая сила подхватила его. Всё вокруг стало чёрно-белым, очертания предметов потеряли чёткость, как будто они были написаны акварелью, а потом на них пролили воду. А он летел над лесом, возвращаясь обратно. Сердце его билось с бешеной скоростью. Позади себя он услышал громкий свист и карканье, а когда обернулся, то пожалел об этом, - ковыляя по воздуху, его быстро нагоняла игуана размером с пятиэтажный дом. Это она издавала свистяще-каркающие звуки, и постоянно махала языком. И в тот момент, когда она его почти настигла, раздался громкий щелчок. Краски снова вернулись в норму, небо стало привычно голубым. Он почувствовал, что падает, а когда взглянул вниз, то увидел только шпиль вещательной станции. Прошло три секунды, за которые он так и не успел попрощаться с жизнью, после чего он упал на шпиль всем своим весом.

Это был город Санкт-Петербург, 13-е число.

- Я, собственно, не тороплюсь, - сказал Настя, глядя снизу на то, как тело старика было пронзено шпилем башни. - Времени много. Хочется сделать это красиво.

- Что сделать? - Спросил молодой человек, проходивший мимо.

Настя взглянула на него грустными глазами.

- Убить всех.

С этими словами она поставила на пол спортивную сумку и достала из неё два пистолета. Огромные, первый был 29 сантиметров в длину и 10 килограмм весом, а второй - 35 сантиметров и 12 кг. Но, она вертела ими с такой лёгкостью, что их можно было принять за игрушки.

Глядя куда-то в сторону скучающим взглядом, она вышибла мозги пареньку метким выстрелом. От грохота, производимого пистолетами, разлетались стёкла в окрестных домах.

- Это я взяла из вестернов 1970-годов. Там главные герои или главные злодеи таскали что-то подобное. Красиво, не правда ли? - И она с неким подобием азарта одним выстрелом снесла дверь в ближайшем подъезде.

В тишине рассеивались клубы порохового дыма. Сквозь тяжёлый воздух слышалось цоканье копыт. Подул свежий морской бриз, налетевший неизвестно откуда, развеял пелену, не дававшую Насте обзора. Рядом с ней - прекрасной девушкой в белоснежном костюме - стояла семёрка огромных чёрных псов. Каждый из них доходил ей до плеча, имел густую шерсть и горящие глаза. Пасть их украшали два ряда острых зубов, а на ногах были копыта вместо когтистых лап. Их дыхание было настолько жарким, что из пасти вырывался обжигающий пар.

Настя прыжком влезла на самого большого пса, чуть кивнула головой, и стая ринулась вперёд. Каждая собака издавала жутковатые хрипяще-хрюкающие звуки, причём они ввиду своей мощи разносились на добрый километр по округе. Псы кидались на всё, что попадалось живым на их пути - рвали, перекусывали, втапывали в пол. Их мощные челюсти работали с силой прессы - даже без зубов они могли сдавить человека до состояния лепёшки.

Так они промчались до центра города, где Настя их остановила свистом. Она слезла с вожака, вынула пистолеты, и пошла вперёд. Воздух наполнился пороховыми газами и звуками пальбы. Люди разрывались по кускам, целые блоки домов разваливались, а дома рушились всего от пары выстрелов. Позади неё шла семёрка псов, их горящие глаза светились в дыму, а храп слышался между выстрелами.

- Стой! - Раздался истошный крик. Странно, что он смог пробиться сквозь шум разрушений.

Перед ней стоял мальчик. Ему было лет пятнадцать на вид, не больше. Такая чистая кожа с оттенком розоватости, чуть припухлые щёки, чистые глаза. Это был тот возраст, когда дети ещё являются детьми, но уже ощущают в себе силы, и рвутся покорять мир. Что, впрочем, он и собирался сделать.

- А ну стой! - Снова приказал он. Настя остановилась. - Я тоже хочу с тобой!

- Со мной? - Удивлённо спросила она.

- Да! Я знаю, кто ты: я наблюдал за тобой. Ты довольно неплохо работаешь, мне это нравится. Я предлагаю объединиться, вместе мы бы захватили мир! Твоя сила, и мой ум.

Настя чуть заметно улыбнулась.

- Нет.

- Почему? Мы же делаем одно дело.

- Ты не знаешь, какое дело я делаю.

- А что мне знать?! Всё и так ясно. Ты хочешь славы! Хочешь владеть мировым господством. И хочешь владеть им одна, - мальчик распялялся всё больше и больше.

- Как меня зовут?

- А?

- Как меня зовут? - Повторила Настя.

- Я... ну... Стой! Ты не уходи от темы! Что, думаешь, раз сильная, значит всё можно?! Дай мне свою силу, и я покажу тебе!

- Держи, - Настя небрежно махнула рукой.

Мальчика скрючило, а потом придавило к полу с такой силой, что раздался хруст ломающихся костей. И тут же всё прекратилось - он встал на ноги, повёл рукой, и взлетел.

- Я их слышу... Всех... Сотни мыслей. Они сумасшедшие. Часть из них не просто говорит сама с собой. Там есть ещё кто-то... Собеседник кто ли. Они сами придумывают его себе. А иногда и не одного, - он лепетал этот бред, схватившись за голову.

Вокруг него всё померкло, сверху брызнул луч яркого серебристого света, и вскоре он обнаружил себя, стоящим в пустыне. Посреди ровных полей песка всего в паре десятков метров от него стояла Настя. Всё такая же красивая девушка в белом и с белыми как снег волосами.

Он поднял с пола огромный камень, появившийся там по его желанию, и запустил в неё. Камень был выпущен со скоростью пули, но Настя смогла увернуться. И не просто увернуться: за то мгновение полёта она успела пробежаться по дуге, и оказалась позади него на том же расстоянии. В ярости он вынул из-за спины здоровенный меч, и бросился с криком на неё, но всё никак не мог попасть. Каждое его движение было на порядок медленнее её, хотя он и двигался гораздо быстрее обычного человека. Казалось, что она не просто уклоняется от ударов, а перешагивает в стороны, просто уходит от него. И это его злило ещё больше.

Раздался хлопок. Он исходил одновременно отовсюду, и даже из него самого. В тот же момент ему показалось, что в его голове что-то закипело и зашевелилось: боль была невыносимой. Он зажмурился, а когда боль ушла, и он открыл глаза, то пустыни больше не было. Он стоял там же, откуда минуту назад пытался остановить Настю, и у его ног валялся её 10-килограммовый пистолет. А она стояла в пяти метрах от него спиной к стене.

- Маленький ты ещё. Господство, захват, власть, сила... Нету ничего необычного - всё в твоей голове, я просто дала тебе то, что ты хотел. А силой я тебя не могу наделить, я всего лишь клон бога, а не создатель. Ты умрёшь не скоро, считай это подарком от меня. Вы ведь все так дорожите жизнью своего тела.

- АААА!!!! - заревел мальчик, с трудом поднимая пистолет с земли. Настя даже не успела сообразить, что происходит - она просто отвлеклась на разговоры. Дрожащими руками он навёл на неё мушку, и нажал на курок. Отдачей ему чуть не сломало руку, а её разорвало надвое и размазало по стене.

Мгновенно подул сильный холодный ветер, небо заволочло тучами, и пошёл снег. Снег был мягким и большим - снежинки долго таяли, попадая на кожу.

Один из трупов, лежащих чуть ниже, задёргался. Что-то большое двигалось внутри него. Прошло несколько секунд, и оно разорвалось изнутри, в нём открылась квадратная дверь метр на

метр, и оттуда вылезла Настя. Ни единой царапины, даже не запачкалась.

- Мда, вот про это я и говорила - тело восстановимо. Моё, по крайней мере. - И он разлетелся на куски от двух выстрелов из пистолета, который был у неё в руке. - А я ведь ему говорила, что нету мне противников. А он не верил, дурачок.

В десяти километрах от неё собрались остатки тех, кто выжил после развала подземной церкви. Теперь они называли себя Культom Захвата Мира. Они сняли маски, и теперь обдумывали план нападения. Фанатики, собранные из детей из приличных семей, они были молоды, и хотели показать всему миру, чего они стоят. Мир ещё не знал об этом.

В воздухе возникли пунктирные линии, как на бумаге с чертежом. Мгновение, и из воздуха, как из холста с рисунком неба, вывалился кусочек, на лету развернулся по ветру, и вот перед сборищем уже стоял высокий человек в элегантном, но безнадежно устаревшем смокинге на шотландский манер. Лицо его закрывала плотная маска, на руках были перчатки из тонкой белой кожи.

- Торопитесь, - сказал он громовым голосом, - иначе вашу задачу кое-кто выполнит за вас. - Он вытащил из кармана широкий кусок белого полотна, подбросил над собой. Полотно укрыло его, и упало, как будто под ним ничего не было.

На полотне была примерная карта города. Парочка мест была отмечена крестами.

В открытом дверном проёме появились женские контуры. В руках у женщины были пистолеты. - Выступаем прямо сейчас! - скомандовала она.

Через десять минут на улице начал орудовать небольшой отряд. У них было много оружия - неведомая девушка обеспечила их оружием. Когда они вышли к ней, она указала им на несколько ящиков, заметив, что время не ждёт.

Двое человек тащили здоровую пушку, стреляющую пучками плазмы. Пушка была очень тяжёлая, и скорострельность была невысока. Требовалось время на перезарядку и охлаждение, однако разрушения она причиняла невыразимые: целые кварталы уходили в небытие от одного попадания.

- А почему нет сопротивления? В смысле, где военные и прочие структуры? - Робко спросил один из воюющих.

- Мертвы. Город ваш.

- Э... А как... а... Мертвы? - Спросил он в замешательстве.

- Да, я их всех убила. Это было скучно, но не так скучно, как сидеть, сложа руки.

- А...

- И правительство тоже.

- Что??? - возопил он. - Мы должны захватывать власть, а не убивать всех!

Вместо ответа она вынула из кармана гранату, вытащила чеку и бросила себе под ноги. Раздался взрыв. Многие умерли, но дело было не в этом - осколки заделали батареи пушки, и она тоже взорвалась. Этот взрыв образовал на земле воронку диаметром в несколько километров.

Жаль, но эти ребята хотели слишком многого. Настя вскоре вышла из взрывного дыма и пыли и продолжила своё дело. Через минуту Питер был погребён под землёй - залит потоками кислотного дождя.

В воздухе открылась дверь, за которой была пустота, и оттуда вышагнул Артур. Как всегда, на нём была маска полностью закрывавшая лицо. Но он улыбался. Никто этого не видел, да и не мог видеть, но для Насти не существовало той маски, за которой он прятал своё лицо от всех. Она единственная знала его таким, каков он есть на самом деле. А он знал - какова она.

- Надо сбить спутники, они будут мешать, - сказал он, глядя вверх.

- Надо... - она странно изогнулась назад, чуть не падая. - Я чувствую... Оно витает в воздухе.

Реальность вокруг неё начала искажаться. Формы потекли, пол начал уходить из-под ног, воздух наполнился летающими предметами, а сама она стала светиться изнутри. Послышался громкий гул, какой обычно исходит от трансформаторов, только во сто крат сильнее. Прямо под ней из-под земли стал расти столб толщиной в десяток метров, по бортам опоясанный металлическими жилами. Он рос, быстро поднимая их вверх; за несколько секунд они преодолели уровень дождевых облаков, и направлялись всё выше. И чем выше они забирались, тем громче был гул, и тем сильнее светился и искрился столб, а конкретно - металлические жилы.

- Нас ведь никто не видит? - Спросила она на всякий случай.

- Нет, - покачал головой Артур.

Из середины столба стали расти длинные тонкие щупальца из серебристого металла. Их было ровно двадцать штук, и каждая была длиной около трёх километров. Словно гигантские антенны, нависали они над землёй, чуть повыше облаков. И вот, наконец, с их концов стали бить молнии. Но это были не те молнии, что бывают при грозе - теперь это было куда сильнее: молнии били не переставая, стоял жуткий треск и нескончаемое гремяние. По всей Земле на 12 минут и 31 секунду вырубился свет - электростанции работали только ради Насти. А она тем временем вырвала у себя из-под ног ком земли с железной рудой, и выбросила вверх. А потом ещё и ещё. Комы занимали позиции на высотах от 200 до 400 километров над уровнем моря, и там взрывались изнутри на сотни металлических шариков. И так далее, и так далее. К концу десятой минуты на орбите Земли

вращалось пара сотен тысяч шариков против движения спутников. Столб под ними выглядел живым: он дышал и извивался, по нему ползли очередные порции металла, а также шла электрическая энергия всей Земли.

Она не смогла продержаться более двенадцати с половиной минут, силы покинули её. Удерживающийся доселе в равновесии столб и щупальца стали падать, разваливаясь на лету. Но, этого было достаточно, она успела вывести более 300 тысяч металлических подшипников. Это облако, подобно метеорам, изрешетит всё, что попадётся на его пути. Это только вопрос нескольких часов. Артур подхватил обмякшую Настю на руки, они влетели в грозное облако, и больше не показались из него.

...

Они стояли посреди поля - там, где всё начиналось. Где-то высоко в небе кружили птицы. Он взял её за руки, и прижал их к груди.

- Знаешь, - начал он, - я не жалею, что мы не можем следовать их традициям. Это было бы неправильно. Главное - что мы вместе. Навсегда. Пусть это будет свадебным подарком нам от всего мира: разрешение не исполнять твой долг некоторое время.

- Я согласна, - ответила она.

*** Глава 09 ***

"Игры. Теория. Хаос. Утопия."

01.02.2066

В кабинку для исповеди вошёл мальчик лет десяти.

- Святой отец, я согрешила.
- Что случилось, сын мой? Постой! Ты сказал "согрешила"?
- Да, святой отец. Не смотрите, что я м-м-мужского пола - это просто оболочка - мне нужно было поговорить с вами.
- Понятно... Как тебя зовут? - Вряд ли он что-нибудь понял, но всё же решил посмотреть, что будет дальше. В конце концов, между ними была прочная решётка, через которую очень сложно прорваться.
- Стелла... Видите ли... Я, в общем-то, пришла не исповедоваться, а узнать у вас кое-что.
- Я слушаю.
- Я вкратце изучала вашу веру. - Он сделал паузу, давая возможность понять его. - Я имею ввиду, которую продвигает ваша церковь. Или что там у вас... Когда, по вашему мнению, будет конец всего живого на Земле?
- Этого не может знать никто, - в его голосе чувствовалось недоверие, от этого голос слегка дрожал.
- Так... А что бы вы сделали, если бы знали, что он настанет через три дня?
- Сложный вопрос. - Он надолго задумался. - Даже не знаю, как тебе ответить. Продолжал бы жить. Наверное... Только...
- Четвёртого числа в два часа двенадцать минут дня. Секунды особой роли не играют. - Стелла всхлипнула.
- Откуда ты-то это знаешь? - Он, наконец, понял, что перед ним очередной юридивый. - Этого никто не знает, не волнуйся. Господь не даст нам умереть, каждому воздастся по его заслугам. Будет суд, и...
- Я не знаю, есть ли ваш бог или нет, меня это не волнует! - Стелла прервала его довольно резко, как будто вообще не слушала. - Только, благодаря вашему молчаливому согласию за этими стенами одна влюблённая пара занимается истреблением рода человеческого на корню. Как говорится, "стреляй во всех, бог на небе разберётся", так, кажется, вы сейчас выразились? Их не остановить, ибо никто не знает, кого останавливать. - Священник молчал. - Понимаете, святой отец... То, что во всех религиях написано, что в один день явится некто и начнёт всех судить - это враньё. Не будет никого, человечество само себя уничтожит. Это будет через три дня. К нам уже летит оружие, которое создало человечество, и оно же его запустило.
- Но...
- Я говорю вам это потому, что всё это уже было. Ваш мир будет уничтожен. А потом начнётся новый виток, и я снова создам мир в надежде, что смогу исправить ошибки, которые допустила.

Стелла откинула дверцу и собиралась выйти. Ей было ясно, что священник не придавал её словам особого значения, но это было неважно. Так уже случалось много раз. То, что она говорила ему, было нужно только ей. Он не в силах что-то изменить, никто не в силах. Даже она сама.

- Да, - она говорила уже с беззаботной улыбкой, - суда не будет. Так что можете сворачивать свою лавочку, вас всю жизнь обманывали. - И она ушла.

Она ушла через застывший мир. Всё замерло перед ней, как будто давая проход. Это так казалось со стороны. Хотя, на самом деле всё относительно, и время идёт с разной скоростью в зависимости от того, под каким углом на него смотреть. Сейчас она шла через застывшее время в своём облике, который был дан ей при рождении. Гордая и спокойная. Вокруг неё теперь не было ничего, она шла по пустоте, а где-то впереди неё, далеко-далеко, слабым фиолетовым цветом светилась третья планета Солнечной системы.

Бог далеко не так всемогущ, как хотелось бы.

- Да, не всемогущ, - рядом с ней возник Чеширский кот. Вернее, это была кошка, очень стройная с иссиня-жёлтой шерстью в белую полоску и умопомрачительной улыбкой. Она сидела на жёрдочке и курила тонкую дамскую сигарету. - Но так ли это важно?
- Нет, конечно же. - Стелла присела в кресло. - Никто над ними не властен. Всё время одно и то же. Просто надоело.

Кошка, казалось, не слушала её, глядя куда-то вверх, хотя понятие верха здесь явно отсутствовало. Наравне с понятиями "право", "лево", "далеко", "близко", да и вообще всеми понятиями жизни. Любое расстояние покрывалось мгновенно, в один миг возвышались неимоверной величины стены и строились планеты.

- Мне скучно, - промурлыкала кошка, потягиваясь.
- Хм, - Стелла только и усмехнулась, после чего подняла глаза в небо. - Она развернулась, и теперь летит обратно. Хотя бы что-то новенькое придумали.

Плотный зелёный дым из её сигареты окутал их обеих, а когда он рассеялся, никого уже не было.

...

Наступило утро второго числа.

Девочка в белом свадебном платье вышла из переулка и пошла по залитой солнцем площади, останавливаясь у каждой скамейки. Она улыбалась и, казалось, светилась изнутри от счастья. Да, она была счастлива, если это можно так назвать. Она знала наперёд всё, что должно произойти с ней, но это не умаляло той радости, которая была сейчас - ей не хотелось жить завтрашним днём. Месяц назад она призналась ему, что ей скучно, что ей нету достойных противников. Он ответил ей, что нужно развлекаться в процессе работы, и она это запомнила хорошо. Сегодня был день отдыха - так она решила - сегодня ей предстояло на время забыть обо всём. Сегодня будут эксперименты, сегодня она отдохнёт.

Она присела на скамейку, закинула руки за голову, и закрыла глаза. А ведь кто-то в это время ещё спит!

И действительно в это время один человек лет тридцати спал у себя дома. Ему оставалось всего несколько минут до пробуждения от быстрого сна, но ему не дали досмотреть сон. Его разбудил звук входящего звонка у него в голове. Обычно он автоматически выставлялся на низкую громкость, однако в этот раз он трезвонил как никогда раньше. Звук был таким мощным, что даже искажался, и был похож теперь не на тему из Крёстного Отца, а на скрежет машины, которую сминали в огромном прессе. Хотя, звук в данном случае был субъективным - никто кроме этого человека не слышал его. Его звали "номер один", по номенклатуре.

Номер один свалился с кровати, затыкая руками уши. Глаза он не мог открыть - ему казалось, что если он их откроет, они выскочат из глазных впадин, и тогда он их не сможет найти на полу. Однако, хотя он давно выпал из кровати, он до сих пор не приземлился на пол. Но боль от звука в его голове была невыносима, и он забыл о такой мелочи, как пол. Он пытался прекратить звук, бил себя по голове, затыкал уши ладонками, пальцами, но тщетно. Что-то вязкое - какая-то жидкость - стала вытекать у него из ушей, очень быстро он перемазал в этой жидкости руки, отчего они стали скользкими и противно липли к коже.

Наконец, звук прекратился, и он брякнулся о пол. Тут же его пронзила резкая боль в рёбрах, и он рефлекторно хотел скрутиться в позу эмбриона, если бы мог. Что-то мешало ему двигаться. Перед закрытыми глазами поползли полупрозрачные строки - выдержки из новостей, всё вразброс и без связи. Скрепя сердце он открыл глаза.

Боль прекратилась в то же мгновение, как будто анонимный истязатель испугался быть увиденным, и убежал.

Номер один не узнавал свой дом. Странное дело - он отдавал себе отчёт в том, что никогда не видел того, что было перед ним, никогда здесь не жил, вообще ни разу не был, и вместе с тем некий внутренний голос подсказывал, что это - его единственный и самый родной дом. Всё было оштукатурено, под потолком висели две массивные люстры со свечами, пол был выложен мрамором. На стенах висело несколько картин. На них были изображены пейзажи величественных замков, но это было скорее ощущение, а не точное определение. Дело в том, что номер один не видел точных очертаний всего, что его окружало, но он знал, что там должно быть, и этого вполне хватало.

С остаточной головной болью он вышел в коридор, ступая босыми ногами по непривычному холодному мраморному полу, повернул за угол мимо уборных, сразу в гостиную. Там он остановился и, решив немного отдохнуть, присел в кресло. На паркете в углу около окон лежали люди - вся его семья. Престарелые отец и мать, младшая сестра, а также жена и восьмилетняя дочь. Как будто в трансе, не понимая происходящего, он подошёл к ним. Все они были мертвы - у всех перерезано горло вплоть до позвоночника. Вернее было бы сказать не перерезано, а разрублено небольшим топориком. У всех было эдакое мирное выражение лиц, как будто они уснули, и даже сейчас спят и видят сны. Номер один отшатнулся, едва сдерживая рвотные позывы, прикрыл рот рукой. От вида и отвратительного запаха собственной крови из ушей его стошнило. Загнувшись буквой Г, он орошал уснувших частично переваренной едой и желудочным соком.

Обессиленный он плюхнулся на пятую точку, засеменил ногами в воздухе и попытался поползти. Ему вдруг стало страшно, что его схватят, что обвинят его в убийстве. Он опёрся обо что-то, попытался подняться, и тут только заметил, что у него было в руках - небольшой топорик вроде томагавка, обильно покрытый кровью.

В ужасе он вскочил на ноги и отбросил топорик в сторону. Послышался звук бьющегося стекла, но топорик отскочил от окна, куда был брошен, как от стены, ничего не разбив. Номер один заворожено следил за полётом топорика, отступил, чтобы увернуться, скользнул по чему-то липкому, и упал в груды трупов. Он закричал, но не слышал собственного крика; вместо этого до него доносилось чьё-то частое сердцебиение. Он пытался встать, выбраться из рук смерти. Но чем больше он ворочался, тем больше увязал в рыхлых телах своей семьи. Они распадались на глазах - стоило ему дотронуться до кого-нибудь, как тело уснувшего становилось мягким и разваливалось на куски от лёгкого прикосновения. Повсюду было липкое месиво из воняющих кусков мяса, костей и липкой

сворачивающейся крови.

Ухватившись за какую-то железку, он вытянул себя наружу из смрада трупов. В панике хватаясь ногтями за щели между паркетом, он прополз до двери, и только там, карабкаясь по стене, встал. Ноги его почти не держали, во всём теле была слабость и дрожь. Его бил озноб, а на лбу выступил липкий холодный пот.

Он увидел какое-то движение слева от себя в темноте. Какая-то игра неясных теней. Он услышал раскат грома, и молния осветила на миг всё перед ним. Вдалеке в конце комнаты, которая увеличилась до невероятных размеров, тень на стене направляла на него пистолет. Он не успел даже рта открыть, как от пистолета отлетела красная искра. В панике он зажмурился, ожидая самого худшего. Но ничего не происходило.

Время тянулось бесконечно, иногда ему казалось, что он видит какие-то отрывки из детства, сцены из своей жизни. Они проносились перед глазами подобно старому фильму: чёрно-белая дрожащая картинка, вся истрепанная, местами с прорехами. И, странное дело, - он не помнил ничего этого, хотя ещё мгновение назад был уверен, что всё это было с ним. Просто, невидимый режиссёр проматывал его жизнь на большом экране, и на ходу вырезал из неё всё, что считал нужным.

Он открыл глаза, решив, что уже умер. Вокруг было темно, но он видел её. Видел пулю, которая летела в него. Он не мог пошевелиться, страх парализовал его, заставил смотреть на то, как он умирает. Пуля летела очень медленно, отчего он мог видеть следы, которые она оставляла в воздухе. Не долетая считанные сантиметры до его лба, она замерла в воздухе, быстро вращаясь. Что-то произошло, он это чувствовал, но не понимал, может ли он влиять на происходящее.

Скорее повинуясь рефлексу, нежели обдуманно, он протянул руку и схватил пулю. Она была горячая, и он её отбросил в сторону.

После этого номер один бросился к двери - бежать, бежать, бежать отсюда - стал колотить в неё, но она не поддавалась. Замок заклинило, ничего не помогало - рукоять отломилась под натиском, но дверь всё ещё была закрыта. Тогда он побежал на кухню к ближайшему окну, но и оно было закрыто. Пейзаж за стеклом выглядел как-то неестественно, как будто был нарисован акварелью. Поддавшись панике, номер один схватил первое, что попало под руку - а попало ему массивная старомодная табуретка - и швырнул её в окно. С тем же звуком бьющегося стекла табуретка отскочила, не повредив окно. Номер один бросился к окну и стал молотить в него руками. Всё было тщетно. Никакого намёка на трещинку.

Схватившись за голову, он осел на пол. В зеркале напротив он увидел себя - среднего роста человек в кожаной маске с металлической решёткой на месте рта, и в рваных одеждах, напоминающих пончо.

Он сорвал маску с лица и взглянул на себя. Это был не он: страшное изуродованное шрамами лицо не выражало ничего, кроме злобы и ненависти. Лицо это как будто жило отдельной жизнью, ибо оно кривлялось в зеркале и строило гримасы, пугая его.

Всё вокруг него задрожало; штукатурка стала отваливаться, угрожающе нависая, стала ржавого цвета, а из-за неё наружу полезли толпы рыжих тараканов. Они подхватили номер один и понесли его в гостиную. Там ещё большая тараканья орда уже пожирала всю его семью. Последнее, что он видел - разваливающиеся трупы вдруг ожили, они кричали и звали его на помощь, тянули к нему свои трухлявые руки.

А потом он потерял сознание и впал в неведение.

Девочка в белом платье потянулась и взглянула на Солнце. Сегодня оно было особенно прекрасно, пятен почти не было, отсюда ей было очень хорошо видно. Она откинула назад прядь белых как снег волос и встала. Был уже день, предстояло ещё многое сделать.

Её окружала историческая часть города, название которого не столь важно, все города очень похожи друг на друга - в них живут и размножаются люди, и за этим процессом довольно забавно наблюдать. Вокруг были старые дома времён 19-20 веков, в основном панельные, хотя и кирпичные были не редкостью. Иногда в окнах появлялись лица. Они были самых разных настроений: кто-то весел, кто-то испуган, кто-то суров. Один из домов ей особенно приглянулся - невысокий, выделяющийся на фоне остальных своими толстыми стенами и небольшими окнами, он был похож на замок с бойницами.

- Эй, - схватила девушка в белом проходившую мимо женщину лет тридцати за рукав, - вы видели это? - Она сделала жест головой.

Женщина недоумённо посмотрела, куда ей указали. Там взлетала стая белых птиц. Женщина презрительно фыркнула, отёрнула рукав, и хотела что-то сказать девушке в белом, но вокруг неё никого уже не было. Более того - ни одной души на улице, кроме неё.

Развернувшись, она продолжила свой путь, и вскоре вошла в парадные двери того самого дома. Здесь она жила, получив квартиру в наследство, с самого своего рождения. Здесь по странному стечению обстоятельств жили и её детские знакомые, а также их дети, поэтому вопрос с друзьями решался весьма изящно.

Только она вошла в дом, дверь автоматически закрылась. И свет погас. Одновременно всё задрожало, как при землетрясении, только эти тряски были направлены в определённые точки. Ей

казалось, что вибрация окружает её, хотя она этого не могла видеть. В тот момент, когда погас свет, окна затемнились так, как если бы их и не было вовсе. Женщина попыталась ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть. Под руку ей подвернулись пластиковые перила. В сердце её вошёл ужас, ибо она услышала очень низкий и глухой вой, - так воют волки, только на этот раз она не столько слышала его, сколько ощущала всю его мощь, когда звуковая волна начала трясти её. Из всех сил она вцепилась в перила, до боли в суставах. То, что было твёрдым, стало мягким и вязким - перила задвигались, как будто были живым существом из плоти и крови.

Сверху на неё хлынул поток красного света, узкий луч, который заодно освещал всё вокруг. Она увидела старый дом - настолько старый, что в его деревянных перекрытиях ползали светящиеся в темноте личинки жуков, металлические конструкции проржавели насквозь и угрожающе выпирали отовсюду своими острыми краями.

То, за что она держалась, было огромным щупальцем толщиной в три человеческих руки, постепенно сужающимся к окончанию. По скользкой поверхности щупальца ползали тысячи мелких мошек, и ещё больше их витало в воздухе, так и норовя залезть в рот или ноздри. Она сжимала извивающуюся плоть из всех сил, решив, что если отпустит, то кто-то невидимый заметит и пожрёт её. Или будет ещё хуже, но об этом она не хотела думать - внутри сработал какой-то блок.

Сверху, там откуда вырывался луч света, раздался громкий крик; таким обычно погонщики слонов зовут своих подопечных. Следуя ему, трухлявый пол стал проваливаться и распадаться на куски, открывая под собой бесконечную тёмную бездну, в которую уходила толстая металлическая лестница, и не было ей конца. Из бездны по лестнице поднималось странное человекоподобное существо. Оно было белёсым, по всему телу проступили чёрные вены, лицо его было абсолютно чистым без признаков носа, рта или ещё чего-нибудь. Из спины его росли тонкие длинные волосы, которые двигались сами по себе и были похожи на щупальца. Существо карабкалось по лестнице очень быстро, промахивая десятки метров за один рывок. При этом от него неимоверно смердело, а также звук - это было что-то неподражаемое. Существо, не имевшее органов для воспроизведения звука, жужжало, ухало и свистело одновременно.

Женщина, имя которой было Лиза, почувствовала, что теряет сознание, что силы покидают её, и выпустила поручень-щупальце из своих цепких рук.

Раздался громкий хлопок, падая, она больно ударилась спиной о стену, что и привело её в чувства. Не было больше слепящего красного света, трухлявого дома. Она вновь стояла около входной двери, держа руку на выключателе. От неожиданности у неё перехватило дыхание, но, когда она осознала обстановку, то задыхалась часто и глубоко, стараясь захватить побольше воздуха полной грудью.

Наконец расслабившись, она щёлкнула выключателем. Никакого эффекта. Тогда она щёлкнула ещё и ещё, до тех пор, пока рука не сорвалась. Выключатель не работал - свет не выключался. Тогда она взглянула на окна, - они были замурованы, вернее, на их месте была стена. Всё было сделано так искусно, что нельзя было догадаться, были ли тут когда-нибудь окна или нет. - Марта! - Только и вскричала она, кинувшись вверх по лестнице.

Шестое чувство подсказывало ей, что с её дочерью что-то не в порядке. Какова же была её радость, когда она нашла свою ненаглядную целой и невредимой, спокойно играющей у себя в комнате. С умилением Лиза смотрела на свою Марту. Она выбрала ей имя в честь своей прабабушки, гражданки Англии.

Марта обернулась к ней с испуганным лицом.

- Мама... кто эти люди?

- Какие, малыш? - Спросила мама, опускаясь рядом на колени.

Сразу после её слов свет погас, осталось только неведомое призрачное освещение, источник которого был непонятен, но которого хватало на то, чтобы видеть все предметы или их очертания.

Лиза отпрянула в ужасе: рядом с её дочерью сидело три или четыре человека неопределённого возраста. Они были с трудом видны, их тела просвечивали, и, казалось, светились изнутри. Они не причиняли вреда её дочери, они просто смотрели, как она играет. Однако, этого явно было вполне достаточно.

На истошный крик Лизы очень быстро сбежались все обитатели дома. Она как раз выносила на руках Марту и звала на помощь. Прибежали они кто в чём, кто с чем. Двое даже прихватили стулья, чтобы с ходу вступить в бой. Но, когда они были всего в паре метров от кричащей женщины, на их пути возникли светлые образы: люди разных возрастов в старомодных одеждах и со странными безучастными лицами. Они были такими же прозрачными, светящимися изнутри, и как будто не стояли, а парили над полом, не долетая до него пары сантиметров.

- Мама! Кто эти люди? - настойчиво подёрнула Марта свою маму за руку.

- Это мертвецы. Все, кто умерли за последние сто с небольшим лет, - ответила ей стоявшая рядом девушка в белом свадебном платье и с белыми как снег волосами. Сказав это, она отошла в тень и пропала.

Мёртвые люди двинулись своим непоколебимым маршем на живых. Медленно, но верно они летели на них. Теперь в их лицах и глазах не было спокойного безучастия, теперь там читалась

только ярость и желание разорвать первого встречного на куски.

Лиза не хотела знать, что там произошло, там, вверху. Что произошло с теми людьми, которых она бросила, которые задержались на несколько секунд дольше неё. В тот момент, когда перед ней возникла белая стена из светящихся призраков, когда девушка в белом ответила её дочери, она ринулась вниз с дочерью в охапке. На одной ступеньке она оступилась, и дальнейший путь продолжала в полёте. Сверху до неё донеслись душераздирающие предсмертные вопли. Так, наверное, никто не кричал на её памяти. Крики сменялись булькающими звуками и глухими ударами.

Лестница под ней превратилась в скользкую горку, такую, на которой катаются дети в песочницах.

С размаху она влетела во что-то мягкое, похожее на одеяла. Это был подвал. Это выглядело, как подвал, хотя ничего подобного в их доме никогда не было, все коммуникации довольно хитро выводились на улицу, не испытывая надобности в обслуживающих помещениях. Вскоре тем же методом к ней присоединились несколько её сожителей.

Оглядываясь назад, она видела длинную витую лестницу, уходящую далеко вверх и теряющуюся там в башнях. Стены были выложены теперь из крупного камня, отличались красивыми изгибами и огромными окнами с многоцветными витражами. Это было очень похоже на собор в духе 15-го века с уклоном в современность. Местами стены были украшены каменными изваяниями древних чудовищ, большинство из которых были с крыльями. Сквозь витражи пробивался свет, отбрасывая причудливый узор на стены, а остальное пространство было освещено сотнями свечей.

С витой лестницы к ним спускался белый туман, еле различимый в таком количестве света. Туман шевелился, и чем ближе он подступал, тем больше в нём появлялось красных горящих точек. Снаружи по стёклам забарабанил крупный дождь, заглушая гул, идущий от тумана.

- Ты когда-нибудь спишь? - Спросил высокий человек, скрывающий лицо за широкополой шляпой.

- Нет. Я есть сон, - ответила девушка в белом свадебном платье.

Они плавно растворились в темноте углов.

Рядом с Лизой из стены стали выходить полупрозрачные люди. На вид они были совсем обыкновенными, только в глазах у них не было зрачков, и не было белым. Там было темно. Один за одним выходили они из стен, словно из дверей.

Лиза схватила первое, что попало под руку - это оказался золотой канделябр - в два прыжка очутилась возле стены и попыталась разрубить призрака надвое. Канделябр прошёл сквозь него, как сквозь воздух, не встретив никакого сопротивления. Её по инерции развернуло. Раздался треск разрываемого полотна и ещё один звук, как будто на каменный пол посыпались сотни и тысячи осколков стекла. Прямо перед ней из пола выскочил тонкий призрак, резко двинулся к ней.

Такое странное и вместе с тем пугающее чувство. Как будто внутри тебя, в каждой клетке тела, растёт ещё одна. Старые клетки более не нужны, и готовы разорваться при любом неловком движении. Сердце замирает, дыхание останавливается, взор затягивает зеленоватой пеленой. Всё видно в новом свете: привычные вещи меняют форму и размеры, становятся так непохожи. Она боялась двинуться, чтобы не взорваться изнутри. Она испытывала невыносимую боль, и вместе с тем находилась вне собственного тела, наблюдая со стороны. Она видела, как на её дочь падает массивная люстра.

А потом была вспышка света, и она увидела перед собой лестницу, перила. Руки её разжались, она безвольно, ещё не сообразив, что вновь владеет своим телом, покатила вниз. На последней ступени она сломала себе шею. Несколькими этажами выше около входной двери стояла её дочь; она пока ничего не знала.

- Скажи, - Настя взяла Марту за руки, - что ты сделала бы, если бы знала, что твоя мама скоро умрёт? - Этот разговор состоялся между ними несколько минут назад, когда Марта играла в своей комнате, ожидая маму.

- Как это?

- А вот так: твоя мама уйдёт и никогда больше не вернётся.

- Я не хочу, чтобы она уходила.

- Ты можешь помочь ей, - Настя присела на корточки и теперь смотрела ей прямо в лицо.

- А как?

- Ты можешь уйти сама, и тогда твоя мама будет спасена. Но, мы попробуем и то и другое.

- Хорошо, - и Марта продолжила играть.

Сгустились сумерки.

Девушка в белом свадебном платье медленно шла по улице, потупив взор в землю. Там свет от фонарей и восходящей Луны переливался множеством оттенков. Она остановилась около лужи, глядя в собственное отражение в воде. Там, позади неё были звёзды, такие далёкие; им предстояло жить вечность по сравнению с ней. Как это романтично. Она протянула руку вперёд и сорвала цветок из клумбы. Что-то гроыхало вдалеке, похожее на шум турбин, постепенно стихая. И чем тише они были, тем громче играла музыка.

- Музыка? Какая глупая насмешка. - Она бросила цветок в лужу.

Вскоре она вошла в кафе "Под дубами". Там компания из десяти человек что-то праздновала:

двое парней взобрались на стол и пытались выполнить какой-то акробатический этюд, в то время как все остальные потешались над ними. Настя присела рядом и обняла сидевшую рядом блондинку за плечи.

- Я вас всех приглашаю в мой сон! - прошептала она блондинке в самое ухо, и направилась к выходу.

Блондинка, однако, была уже давно не в том состоянии, чтобы понимать окружающую действительность. Вся компания продолжала праздновать ещё час или около того, пока была выпивка и задор. Иногда к ним подкатывал жестяной ящик, поднося спиртное. Двое парней на столе, наконец, закончили свои попытки поразить присутствующих своими физическими данными, спустились вниз и попытались запеть. Петь у них тоже не получилось. В общем, несмотря на наличие алкоголя, праздник шёл необычайно прилично.

Ближе к полуночи было решено сменить обстановку. Хрумкая чипсы и громко обсуждая японскую поэзию, они вышли на улицу.

Была почти полночь, однако было довольно светло. Вокруг них простирались незнакомые постройки. Высокие дома из красного кирпича перемежались с архаичными бревенчатыми домиками, которые были частично утоплены в земле. Время набросало на них тёмный слой, сделало их тухлявыми и опасными для проживания. А где-то вдалеке высились шпили огромных замков времён средневековья.

Было светло. Но свет шёл не от Солнца, и даже не от звёзд. Их просто не было на небе. Всё небо было покрыто непроницаемым слоем светло-серых облаков, которые были намертво прикреплены к своим местам, и никуда не собирались уходить. Фонари на улицах были все разбиты. Источник света был повсюду: каждый дом, каждый камень, каждая песчинка светилась сама по себе. Даже воздух, казалось, вносил свою лепту. Голографическим проекторам на крышах зданий не хватало мощности, чтобы перебить тот свет, что был повсюду, хоть он и не резал глаза. Проекторы изо всех сил жужжали, но голограмм не было видно.

Компания как по команде остановилась. Стояла гнетущая тишина, которую не мог нарушить даже звук работающих проекторов. И, хотя те десять человек, что вышли на улицу, и были довольно голосисты, они не слышали ничего, кроме гула и жужжания. Их собственный голос не выходил из их рта, застревая там.

Воздух вокруг них был очень тяжёлым. Настолько тяжёлым, что в нём было сложно двигаться - приходилось прилагать большие усилия.

Одна из девушек закричала, вернее, попыталась закричать, но её крик не услышала даже она сама. Она бросилась назад к дверям, и толкнула их с такой силой, как будто хотела выбить. Что-то громко щёлкнуло за зданием, оно покачнулось и начало падать на неё. Со стороны оно выглядело как большой картонно-фанерный макет дома. Он падал беззвучно, и только трое заметили это. Они смогли отбежать, так что им повезло. Остальные под тяжестью конструкции расплющились в лепёшку.

Над головами трёх оставшихся пролетела большая птица. Орлан чёрного цвета с красным клювом. Вообще это было единственное цветное пятно во всём окружавшем их мире. Кроме него, всё вокруг было чёрно-белым, как в старых фильмах, и так же подрагивало. Орлан долго смотрел на них, но и он вскоре пропал. Он долетел до самого дальнего шпиля замка, и там за ним закрылась дверь в небе. Как будто и не было его никогда.

Их осталось трое - два парня и одна девушка. У неё как раз сегодня был день рождения, его-то они и праздновали традиционным для людей их возраста способом. Не очень удачно.

Дверь в доме рядом открылась, и оттуда выехала семипалая гаубица - машина, похожая на гусеницу, на шести ногах и седьмой ногой, которая являлась одновременно глазом и пушкой. Благодаря своим ногам машина развивала скорость до ста километров в час на прямых, и передвигалась по болотистым местностям примерно в половину медленнее. Запас хода - 300 километров. Всё это, учитывая также, что она была размером с пуделя, а огневая мощь позволяла ей разрушать здания, делало её страшным оружием. Особенно, если армия таких вот малюток ползла на противника. За мгновение до выстрела она издавала квакающий звук.

Гаубица укрепились в почве, и начала стрелять. Стреляла она не очень быстро - 60 выстрелов в минуту, да и магазин был рассчитан на 75 выстрелов. Человек, никогда не встречавшийся с этой гаубицей обычно впадал в ступор, не понимая, как такое почти живое и гибкое создание может служить оружием.

Сейчас не было кваканья, и заряды взлетали в воздух тихо. Рвались они тоже беззвучно, оставляя после себя воронки. Один за другим, оба парня - друзья той, у которой был день рождения - были разорваны на куски. Куски их тел разлетались по округе, а окровавленные осколки пробивали дыры в картонных макетах домов. Какой-то кусочек мяса попал Анне прямо в лицо. Она заворожено смотрела на то, как он медленно отвалился от неё и стал падать ей под ноги.

Она не понимала, что происходит, пока не услышала собственный голос. Опыянение снялось в один миг. Так она не кричала никогда, и не думала, что так вообще возможно. В ужасе прижав руки к щекам, она кричала, что есть мочи. Сверху к ней взметнулся очередной заряд гаубицы, стремительно рассекая спёртый воздух.

Но она не видела его. Небеса разверзлись, разрываемые чьей-то рукой, как бумага. Яркий

свет брызнул из образовавшейся дыры, такой плотный, что она ощущала его давление всей кожей сразу. В светящемся разрыве появился кто-то большой, глядя на неё своим карающим взором.

- Что ты чувствуешь? - Спросила у неё девушка в белом свадебном платье.

Вокруг была темнота, только она и эта девушка были освещены неведомым прожектором. Сначала полная темнота, а потом та, которая появилась в небесах, стояла перед ней, глядя ей в глаза. В небе зажглась странная Луна бледно-зелёного цвета.

- Говори! - Повторила она настойчиво. - Что ты чувствуешь?

- Я... Страх...

- Подробнее! - Кажется, что девушка в белом платье не задаёт вопросы, а бравится своей рукой прямо ей в душу, вытягивая всё, что ей нужно. Анна поняла, что не может сдержаться.

- Я... я... я испугалась за них, - голос её стал твёрдым и уверенным, хотя её колени дрожали, - они ведь умерли. Я хотела им помочь. Мне было страшно. А когда надо мной летела звезда, я не боялась. Мне было всё равно.

Она почувствовала, что сказала очень мало, но это было неважно - всю нужную информацию из неё уже вытащили насильно. В то мгновение она ощутила внутри себя внезапно образовавшуюся пустоту в своей памяти.

Вдруг её что-то сильно дёрнуло, и она начала падать. Падать так быстро, что захватывало дух. Небо было далеко от неё, и всё больше удалялось. С высоты своего полёта она увидела гаубицу, которая выплёскивала последние заряды наобум; увидела тело девушки - это была она сама - распластавшееся на земле. А земля к ней всё приближалась, оставались считанные мгновение до того, как она упадёт в кучи мусора, и её тело пронзят десятки металлических штырей, кусков стекла и осколков керамики.

Девушка в белом свадебном платье сидела на скамейке, закрыв глаза и запрокинув голову. Тёплый лунный свет делал черты её лица ещё прекрасней.

Было без одной минуты полночь.

Она встала и потянулась. День отдыха почти закончился. От стены отделилась высокая тень.

- Ты никогда не танцевала с ангелами при лунном свете?

- Это было, когда расцвели лилии, а жасмин уронил свой лепесток.

- Мне кажется, я увидел одного из этих ангелов. Или одну...

- И как она тебе?

- Я хочу станцевать с ней ещё раз. - Он обнял её, и они закружились в вальсе.

...

Наступило утро третьего числа.

На окраине города, там, где шла его граница, и начинались одноэтажные домики, прогрехотал мощный взрыв, и по воздуху пошла ударная волна настолько мощная, что в радиусе трёх километров вышибало стёкла. Ударная волна была в буквальном смысле видна - тёмные круги расходились по прозрачному воздуху во все стороны. Она шла и по земле, сокрушая неустойчивые к землетрясениям или старые дома, и скорость её хода была невероятной - она даже обгоняла звук. С громким шуршанием дома оседали и рассыпались на мелкие кусочки, играя роль саркофага для тех, кто был в них. И вот, когда ударная волна угасла, над жилыми домами пронеслась звуковая волна. Дикий свист, от которого кровь стыла в жилах, больше похожий на крик какого-то животного, возможно, человека.

На месте взрыва образовалась огромная воронка, в центре которой была узкая яма-нора, уходящая глубоко под землю. Она была очень ровной, а по краям у неё была окантовка из искрящихся на солнце полос жёлтого металла, испещрённых сотнями мелких иероглифов необычного алфавита.

Вскоре всё успокоилось. Стёкла перестали звенеть, земля перестала дрожать. К развалинам стали осторожно стягиваться любопытные, старались найти там выживших. Было очень тихо, отчего-то всем казалось, что малейший звук вновь заставит землю ходить ходуном. Подул слабый холодный ветерок. Потом он стал дуть сильнее и сильнее, с каждой секундой становясь всё более холодным. Он обжигал лица и срывал шляпы. А потом послышался протяжный вой, быстро переходящий в крик сотен и тысяч людей, и этот крик исходил из окаймлённой золотом дыры в земле. Прошло несколько секунд, и из-под земли вырвался столб тёмной маслянистой жидкости. В призрачном свете закрытого тучами солнца он на мгновение принял очертания огромного монстра: тонкое тело, покрытое длинными тонкими отростками, ряды плавников на тонких лапах, и непропорционально большая голова с единственным глазом и пастью, прикрытой рядом коротких щупалец. Чудище издало низкий трубный звук, и пропало. Столб жидкости взметнулся ввысь, там распался и обрушился на город гучими потоками. Жидкость прилипла ко всему, до чего дотягивалась, и принималась разъедать это. Это была кислота.

Вдруг сквозь столб жидкости, бьющей в самое небо, проскочило нечто живое с такой скоростью, что кислота не успевал долетать до него. За пар секунд нечто промахнуло с добрый десяток километров, и мгновенно сбросило скорость до нуля.

- Washington, D.C. - Прочитала девушка в белом джинсовом костюме и с белыми волосами. - Мы по адресу?

- Да! - Позади неё из воды материализовался высокий человек в чёрном кожаном плаще, в

широкополой шляпе и с маской из чёрного шёлка на лице. Он слегка приподнял руку, и над крышами домов просвистел новый порыв ледяного ветра.

Дождь огибал их, потоки воды меняли своё направление, не задевая их. Земля вокруг была сухая и чистая.

- Значит, пора приступать, - сказала девушка с улыбкой на лице.

Высокий человек ничего не ответил. Он сделал шаг вперёд, стремительно достал из-за пазухи длинный японский меч, одним движением разрубил бегущего мимо крепкого мужчину лет тридцати, и так же стремительно вложил меч в ножны. После чего он опустил голову, придерживая шляпу двумя пальцами, и налетевший порыв ветра развеял его, как дым.

Настя вынула из карманов два полуавтоматических пистолета, и воздух наполнился рёвом стрельбы, который заглушал крики и стоны умирающих людей. А всего через десять секунд под окнами Белого Дома раздался стук, как будто кто-то стучался в деревянную дверь, и тут же Белый Дом содрогнулся от взрыва. Вынесло весь парадный вход, включая охранный пункт. Обесточенное доселе здание вдруг загудело, из громкоговорителей посыпались громкие ругательства на английском. Они перемежались с воем сирены и нескончаемыми очередями выстрелов. Разрывные пули пробивали всё, даже специальные бронированные окна. От людей, которые оказывались на пути, не оставалось ничего, кроме чего-то, похожего на фарш.

Со скоростью, какую развивают спортсмены на стометровке, девушка с белыми волосами прошла сквозь здание и вышла. Дом рухнул за ней.

...

- Скоро мы начнём.

В темноте раздавались тихие звуки пианино. Луч света выхватывал девочку с длинными белыми, как снег, волосами, сидящую на невысокой скамейке. Её тонкие ловкие пальцы извлекали из деревянной коробки завораживающую музыку. Она сидела одна под направленным на неё невидимым прожектором, как будто играла одна на сцене. Никто не мешал ей играть, и она делала это отрешённо и самозабвенно, не открывая глаз.

- Ты когда-нибудь танцевал с ангелами при лунном свете? - Спросила она в темноту с такой интонацией, как будто не ожидала услышать ответ. И продолжила игру.

Ещё один луч света выхватил из темноты стоящего неподалёку от неё высокого человека в чёрной шёлковой маске, закрывающей всё лицо. В правой руке у него был кий, а левой рукой он опирался на бильярдный стол; с кончика кия на стол летела меловая пыль. Под светом она отвечивала во все стороны, подобно бриллиантам. Пальцы на его левой руке нервно подрагивали, но он изо всех сил старался побороть нервы.

- Это будет последний бой, - прошептал он.

- И мы его выиграем, - всё так же безразлично сказала она, продолжая играть, - такова наша с тобой воля.

Она на мгновение прекратила играть, как будто вспоминала что-то, её лицо озарила печать обречённости, но она быстро вернулась в своё безразличное состояние, и, по-детски болтая ногами, продолжила свои упражнения.

- Тебе никогда не было скучно? Не потому, что нечего делать, нет. Как будто от всей жизни скучно, и ничего больше не радует.

Высокий человек мгновенно отвечал.

- Скоро всё это закончится. Остался последний аккорд в твоей партии.

С этими словами он подошёл к ней, обнял её за плечи и сел рядом. Теперь они играли в четыре руки. Мел с его белых шёлковых перчаток оседал на клавишах пианино, а её белые руки цепляли его, когда получалось. Какое-то время они играли молча некую абстракцию непонятного стиля. Отчасти это было похоже на разговор посредством музыки - настолько резки были переходы и неоднородна музыка. Но поначалу в ней можно было угадать два ведущих голоса - мужской и женский - которые разговаривали. Потом к ним стали примешиваться ещё голоса, а потом ещё и ещё, сливаясь в какофонию и нескончаемый гул. Девушка с белыми, как снег, волосами и высокий мужчина убрали руки с клавиатуры, и всё стихло.

Они ещё посидели так немного, совсем чуть-чуть посидели в тишине. Ничто её не нарушало теперь.

- Они называют это счастьем, - прошептала девочка, и глаза её наполнились слезами, - семья, работа, жизнь. Нянить детей. Они же решают, кому дать возможность быть счастливыми.

- Нам пора, - с этими словами высокий мужчина обнял её.

Свет выключился.

...

Юрий Коновалов проснулся от страшного грохота. Сначала он подумал, что видит продолжение своего страшного сна, но когда на нём загорелась одежда, он понял, что всё происходит на самом деле. Окружающая действительность была ужасна, как бы он ни пытался списать это на то, что он ещё не проснулся. Вокруг всё громыhalo, ревело и свистело. Землю трясло со страшной силой: под ней как будто ползали огромные черви, ибо она шла волнами. Сломая голову он выскочил

наружу и побежал, куда глаза глядят. Его обуревал безотчётный ужас, казалось, оглянься он назад, взгляни только мельком на то, что было позади, и его поглотит, раздавит и пережует нечто огромное.

Он бежал долго, точного времени не было, но тело двигалось до тех пор, пока силы не оставили его. И тогда он упал на вязкую от идущего дождя землю, и тогда он всё же решился посмотреть назад. Всё время, что он бежал, он думал, что бежит с горки - так легко это было. Но теперь он понял, что оказался довольно высоко в горах: город раскинулся перед ним как на ладони. Город полыхал странным зеленоватым пламенем, даже несмотря на нескончаемый дождь с грозой. Дома отсюда казались маленькими, людей вообще не было видно. Зато было видно, кто трудился над городом - огромные бесформенные массы носились по нему вдоль и поперёк, давили и разрушали, в то время как земля под городом действительно шла волнами, а иногда и проваливалась, унося с собой отдельные улицы и районы. Не знал он, да и не надо было ему, что подобное происходит на всём Земном шаре последние три часа. Это был закат человеческой расы по версии Насти. После разрушения города големы собирались в плотный строй, и шли дальше, отлавливая сбежавших. На помощь им возникали механические строения, а также вся живая масса, которую успевали собрать. По всей Земле шли обильные дожди, сменявшиеся градом, ураганами. Температура в море поднялась на 20 градусов, ледники уже таяли. Всё должно быть закончено к вечеру, тогда судебные исполнители будут отдыхать.

Внезапно внимание Юрия привлёк большой стенд в паре метров от него - и как он раньше его не заметил. На стенде было написано чёрной краской от руки

" Мы сделали это!

--- Neon inc "

Его схватил кто-то за плечо.

- Дурак! Чего сидишь, радуйся! - Его радостно тряс высокий старик в плаще и с зонтиком.

Лицо старика было покрыто сетью морщин, образующих причудливый рисунок, перемежавшийся с несколькими старыми шрамами. Старик смеялся, но Юрий не разделял его энтузиазма.

- Да чего ты не понимаешь! Мы же сделали это! - Он схватил Юрия за грудки и стал тормошить. - Мы сбили Землю с орбиты! Я ждал этого столько лет, и вот, наконец, да! Хи-хи-хи, - тут он неестественно засмеялся. - Спланировал, и вот, пожалуйста. О, да, это гениально, я знаю. Они думают, что всё произошло случайно. Нет уж, ребята, это мой бал, и он закончится так, как было задумано почти шестьдесят семь лет назад. Смотри, я покажу тебе Луну!

Он отбросил зонтик и кинулся вверх на самый пик той горы, где они были. Там он воздел руки в небо, задрал голову и закричал на непонятном языке гортанном, но очень громком, языке. То ли читал какое-то заклинание, то ли просто был пьян, но в любом случае выглядело это весьма внушительно. Дождь, гроза, сильный порывистый ветер нагнетали обстановку.

Словно повинуясь его крикам, тучи стали расходиться в стороны, обнажая небо. И тут Юрий увидел то, к чему зывал старикан. Почти всё небо занимал огромный пылающий диск. Через секунду всё вокруг заполнилось страшным грохотом, от которого Юрий потерял ориентацию в пространстве, и кубарем покатился вниз по склону. Мир завертелся в его глазах, все звуки смешались в один протяжный вой. И он увидел перед собой зарево - это всходило Солнце. Второй раз за день. Только на этот раз оно было каким-то непривычным, будто бы его нарисовали прямо на небе краской. Он смотрел на него поверх разрушаемого города, не видел падающей Луны.

...

Луна на скорости около ста километров в секунду упала на Землю, прямо в лоб по движению. От столь мощного удара Земля несколько сплюснулась, а затем раскололась на несколько кусков. Самый большой остался на орбите, но он значительно приблизился к Солнцу. Остальные куски разлетелись во все стороны, лишённые атмосферы и жизни.

...

- Ещё партеечку? - Осведомилась кошка.

- Думаю, стоит прерваться, - лениво отвечала Стелла.

END.